

Татьяна Юрьевна Степанова

Душа-потемки

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=599425
Душа-потемки: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-48481-2

Аннотация

Капитан милиции Екатерина Петровская быстро спускалась по лестнице. Ржавые перила, ржавые ступеньки... Только теперь она поняла, что сделала ужасную, непростительную ошибку: не сказала полковнику Гущину, где она и что собирается предпринять. А что она собирается предпринять? Проникнуть в закрытый, сданный на охрану универмаг, полный товаров, ночью, негласно, уже после того, как убийца пойман, изобличен уликами и сам признался в содеянном. Но как же тогда быть с тем призывом о помощи? «Ее еще можно спасти!» Кате было очень страшно. Одна, в огромном магазине, где произошло столько убийств... Катя продвигалась тихо и осторожно. Она должна выяснить: какое зло таится здесь с тех самых пор, как оно осталось безнаказанным и неудовлетворенным...

Содержание

* * *	4
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	41
Глава 11	43
Глава 12	45
Глава 13	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Татьяна Степанова

Душа-потемки

* * *

То, что было, – никогда не вернется. То, что случилось, – не произойдет вновь.

И прошлое...

Да, конечно, это всего лишь прошлое.

Пыль...

Неоновая вывеска на фасаде – зимой и летом, в дождь, и в стужу, и в зной.

Эхо на этажах, шорох шагов по гранитной лестнице, гладкость отполированных ладонями перил.

И все эти зеркала и витрины...

Когда на них падает луч света...

И старый лифт, что гудел...

И та дверь в подсобку, что открывалась так туго...

Аромат духов – тяжелый, пряный...

Забыли название?

Ничего, вспомните. Вы все скоро вспомните. Очередь с первого на пятый этаж в обувной отдел за финскими сапогами. Очередь в парфюмерию за губной помадой... Алая... Забыли номер? Алая такая... Ничего, и это вы тоже вспомните. И даже то, как аппетитно хрустел вафельный стаканчик со сливочным мороженым.

Вон там, слева у колонны, которую потом сломали.

Там всегда стояла продавщица мороженого...

А потом ее убили, как и тех... других...

Глава 1

ПРОИСШЕСТВИЕ ИЗ СВОДКИ ПОД ГРИФОМ «СЕКРЕТНО»

Июль 1980 года

Оно всегда выглядело старым, это здание универмага. На перекрестке уютнейшей из московских площадей, в обжитом, засаженном тополями, плотно застроенном уголке столицы. Выпуклый фасад смотрит прямо на площадь. И буквы вывески – оранжевые, порой мигающие призывно, а порой режущие глаз своей победоносной яркостью: «Замоскворецкий». Универмаг «Замоскворецкий», его еще вся округа называет просто либо Магазин, либо Мосторг.

Вывеска вспыхивает... Как будто там, в электросети, кто-то устроил короткое замыкание, потом едва тлеет и тихо гаснет. Одновременно гаснут и фонари на площади и на Александровской улице. Четыре часа утра, но у центрального входа в Замоскворецкий универмаг много машин – черные «Волги», желтые милицейские «газики». Конечно, не так много, как было днем на Таганской площади у театра, где вся Москва собралась проводить в последний путь своего Поэта, и не так много, как там, на Ваганьковском кладбище, куда все пришли потом, и стояли, несмотря на жару, и прощались...

Прощались не только с ним, поэтом Высоцким, а еще с чем-то внутри себя, что казалось таким важным, свободным, поправшим запреты, что пело, куролесило, жаждало истины, стучалось во все двери, такое живое, родное, свое, а затем вдруг оборвалось гитарной струной...

Лейтенант милиции Федор Гушин в свой первый рабочий день в пятнадцатом отделении милиции в шесть утра попал прямо в оцепление на Таганку, где уже собирались толпы народа и рядами выстроились автобусы и грузовики. Вечером его вместе со сводным отрядом милиции перекинули в Крылатское на канал, где шли соревнования по гребле. В Москве ведь проходили Олимпийские игры. А поздней ночью все пятнадцатое отделение милиции подняли по тревоге в связи с происшествием в Замоскворецком универмаге.

Там, на Таганке, в оцеплении... Они стояли под солнцем, в мокрых от пота милицейских гимнастерках, фуражках, не спасавших от пекла. И порой ловили на себе косые взгляды из толпы – огородили, не пускаете... выстроились в цепь, а мы все равно пройдем туда, к театру, к гробу, сомнем вас, сломаем, сплющим в лепешку, если только посмеете... если хоть кто-то из вас хоть что-то поперек – нам, против нас...

А потом, когда гроб с поэтом выплыл на руках и вся площадь затаила дыхание, готовая взорваться, кто-то всхлипнул, закрыл лицо руками.

Это был младший лейтенант милиции Елистратов, стоявший рядом с лейтенантом Федором Гушиным в оцеплении. Фуражка, погоны, серая милицейская гимнастерка – при полной выкладке, при исполнении служебных обязанностей, при всем честном народе, – этот двадцатилетний мальчишка в форме плакал, как ребенок, потерявший отца.

И какой-то пожилой мужик из толпы подошел к нему сзади и обнял за плечи и сказал: «Сынок... не надо...»

А потом еще какая-то девушка и женщина с ребенком на руках... И как-то все смешалось – народ, оцепление, милиция. И не случилось никакой давки. Потому что в этот миг каждый печалился о тех, кто рядом, и боялся причинить боль.

Вечером на дежурстве в Крылатском под свист и рев трибун лейтенант милиции Федор Гушин думал о том, что видел. Есть дни... пусть даже это самый первый твой рабочий день,

когда внезапно понимаешь, ради чего вообще все – твой выбор, твоя профессия, твой путь... Твой дальнейший путь.

Странно, несмотря на адскую усталость, он горы был готов свернуть. И пахать так, что... в общем как надо, сколько надо и в сто раз больше – пахать на работе.

Но в здание Замоскворецкого универмага его не пустили. Молодой сотрудник. И вообще все пятнадцатое отделение милиции оставили в оцеплении у дверей на Александровской улице. Когда они распахивались – а внутрь проходило много народа: члены следственно-оперативной группы с Петровки, 38, из отдела по раскрытию убийств МУРа, криминалисты, прокурор города, следователи, сотрудники вневедомственной охраны, – когда двери универмага распахивались, Гущин мог разглядеть небольшой участок первого этажа. Гранитная лестница наверх с дубовыми перилами, мраморный пол, посыпанный опилками, и сразу налево – отдел парфюмерии, а за ним кожгалантерея.

Но первую жертву обнаружили не там.

Все тела были найдены на разных этажах универмага.

– Эй, лейтенант, что спишь на ходу, поддержи дверь.

Криминалисты из управления с громоздким оборудованием для видеосъемки. Японская аппаратура, говорят, в экспертном управлении и видеоманитофон имеется. Научный прогресс, всюю, так сказать, на службе охраны правопорядка... так на лекциях в Высшей школе зубрили...

Двери тугие, старые еще, дубовые. Вроде широкие, но открывается лишь одна половина – правая, левая на мертвом стопоре. Даже сейчас. И так отчего-то во всех московских магазинах – в рыбном на улице Герцена, в «Смене» на Ленинградском проспекте, в «Детском мире» и...

– Продавщица мороженого, видимо, умерла не сразу. Там весь пол на этаже в крови, она пыталась вырваться, ползла к лестнице, судя по следам. Но ее догнали. Только у нее одной ножевые раны на теле. Двух других задушили.

Прошли внутрь, дверь закрылась. Лейтенант Гущин оглянулся по сторонам. Улица спит, и площадь спит. И вон там через перекресток в Александровских казармах, которые чаще зовут Кремлевскими, тоже еще не играли побудку. И дом, что напротив универмага, тоже спит мертвым сном. Серая громада, окна в окна... Должны же они были что-то слышать ночью... жильцы тех квартир, чьи окна выходят прямо сюда. Ведь *они*... потерпевшие... должны были кричать...

– Здравия желаю.

– Вольно, лейтенант.

Высокое начальство из министерства – двое только что вышли из остановившейся у дверей универмага черной «Волги». Один в штатском, другой в генеральской форме. И это в четвертом часу утра, видно, еще не успел переодеться, дежурил от руководства.

– Происшествие пройдет по сводке под грифом «Совершенно секретно». Такое ЧП и в такую ночь... С похоронами волынка такая, – тот, что в форме, доверительно придвинулся к уху штатского, – пока там, на Таганке, покойника из театра выносили, у меня телефон в кабинете звонил не переставая – из горкома, из приемной Совмина... Помощник шефа, Щелкова трижды... Они массовых беспорядков боятся, митингов. Олимпиада, а тут такое дело – акты гражданского неповиновения. Но по-тихому все обошлось... Японский бог, свечку хотел в церкви поставить... Да не успел – это ночное ЧП, резня в универмаге. Если под грифом «Секретно» пойдет по сводке, то завтра... нет, уже сегодня утром ляжет на стол с докладной министру, Николаю Анисимовичу... и конечно, Андропову, от чекистов все равно такое не скроешь. Ну и в горком – Гришину, это уж как водится, хозяин Москвы. А дальше не пойдет. Туда, на самый верх. Самому... ему помощники не доложат, сюда, в Замоскворецкий универмаг, сама мадам ездит... дочка Галина. И следом за ней тоже разные всякие, сам

понимаешь – свита... Адрес известный, спецсекция, как в ГУМе, и товар всегда в наличии. У директрисы здешней, Ольки Краузе, связи большие... Принцесса Галя – куда уж больше. А тут такой случай... резня... Я пока ехал в машине сюда, мне по телефону...

– Тебе что, телефон в машине установили персональный? – усмехнулся штатский. – Смотри лишнего не болтай.

– Знаю, ученый. Так вот начальник МУРа мне кратко ситуацию докладывал – по всему очевидно, это не налет, не ограбление. Кто-то один в универмаге ночью орудовал и не грабил, а убивал, понимаешь? Целенаправленно убивал, с фокусами. И если такое... такая информация в открытый доступ выплывет, завтра же по городу слухи поползут, как чума. А следом за этим головы полетят и в министерстве, и на местах.

И эти прошли, скрылись внутри. Многое бы отдал лейтенант Гуцин, чтобы тоже оказаться там, где сейчас работала сводная следственно-оперативная бригада.

Но пост не бросишь. И курить нельзя.

– Федь, вон видишь тех? Эти с вневедомственной охраны... Целая группа прибыла, – тихо сказал Гуцину старшина Сысоев – дежурный шофер пятнадцатого отделения милиции. За рулем «газика»-«канарейки» ему не сиделось. Подошел к дверям, заглянул в витрину. – Они первыми тут оказались вместе с машиной инкассаторов. Те обычно выручку до полуночи забирают, но все перекрыто было из-за похорон до самой ночи. Да, свезли Владимира Семеныча на Ваганьково... свезли... кто ж петить-то нам теперь будет... осиротели... У них, инкассаторов, всегда сперва по плану Добрынинский универмаг идет, потом Даниловский и только потом уж этот – Замоскворецкий. Значит, приехали где-то в третьем часу сюда, бухгалтер, старший кассир. И вневедомственная подкатила – здание-то уж на пульт поставили, как закрыли с вечера. Так вот не пойму я никак...

– Чего? – спросил лейтенант Гуцин.

– Как *он* внутри очутился? Вон эксперты говорят – я слышал, следов взлома никаких, сигнализация на пульте не сработала, значит, проникновения нет. Витрины, двери – целехоньки. Они всей группой – кассир, бухгалтер, инкассаторы, патруль – вошли через этот вот центральный вход, с сигнализации собственноручно сняли. А там на втором этаже... И на других этажах тоже... там уж все сделано было, конечно. Как он внутри-то очутился, убийца? Нет, что-то не так тут.

Лейтенант Гуцин поднял голову вверх – вывеска над входом в универмаг внезапно снова зажглась. Буквы замигали, замигали и налились оранжевым светом. То ли утренний туман тому виной, то ли смог городской, но свет, несмотря на всю свою цитрусовую жизнерадостность, казался холодным, почти что мертвым. Точно источник его прятался где-то далеко, а это был лишь отблеск.

И где-то там, за домами, наверное, на Садовом кольце завывала сирена «Скорой», которую вызвали сюда увозить трупы в морг Павловской больницы. Спешно увозить до того, как город окончательно проснется, – до первых троллейбусов, до первых такси, до первых прохожих и зевак.

И еще одно пятно света – маленькое, вороватое – возникло в сумерках на фасаде восьмизэтажного дома, облицованного серым гранитом. Того самого дома, что окнами выходил прямо на Замоскворецкий универмаг. Вся округа называла этот дом «генеральским», потому что еще с довоенных времен в нем проживали всякие-разные и их многочисленные домочадцы.

Кто-то вышел на балкон в этот предрассветный час. Кто-то проснулся в квартире на пятом этаже и зажег маленький карманный фонарик, чтобы лучше видеть, чтобы ничего не пропустить.

Глава 2

ЗОЛОТО В БИДОНАХ

Наши дни

– Знаешь, о торговле вообще и о нас, работниках торговли, при советской власти легенды ходили. Чего только не болтали, милый, для тебя в твоём возрасте это, наверное, как сказка о потерянном времени.

Ольга Аркадьевна Краузе аккуратно притормозила у светофора и повернула к Алексею Хохлову сильно накрашенное лицо. Несмотря на свои семьдесят лет, водила она свой серебристый «Ягуар» с лёгкостью и изяществом опытного профессионала. Да и не выглядела она на свой возраст – долгие часы в салонах красоты у лучших косметологов и массажистов не пропали даром. Жилистая и сухая, облаченная, несмотря на жаркий день, в классический жакет «Шанель» и обтягивающие джинсы, за рулём иномарки смотрелась она в представлении Алексея Хохлова даже не как обеспеченная, дорогая москвичка, коей была, а дама откуда-то «оттуда» – говорят, таких вот старушек пруд пруди на набережной Круазетт и в шикарных кафе Монако.

Бриллиантовые серьги в ушах от «Картье», массивная бижутерия от «Шанель», умело накрашенный темно-вишневой помадой рот и отлично сохранившиеся, ухоженные, тщательно завитые волосы. Ольга Аркадьевна Краузе некогда считалась самой красивой шатенкой Москвы и никогда в жизни не изменяла цвету шоколада.

– Ах ты господи, что про нас только не плели тогда... Торгаши... Другого прозвища для нас тогда не имелось. «Они торгошники, а следовательно, воруют». В глаза ничего такого – лишь улыбочки подобострастные, льстивые: «Ольга Аркадьевна, нет возможности поспособствовать, сапожки дочке достать «Саламандер»? А мужу дубленка нужна, а хрену моржовому костюм импортный». – Ольга Аркадьевна вставила в уголок рта сигарету, и Хохлов, сидевший рядом на пассажирском сиденье, предупредительно поднес ей зажигалку.

Чирк... струйка дыма... Ольга Аркадьевна откинулась на сиденье, светофор зажег зелёный, и она нажала на газ.

– А джинсы... так ими спекулировали тогда, конечно, не мы... А эти, из отдалённых советских провинций, из страны Лимонии, например, с Кавказского хребта приезжали целыми выводками семейными – все в тапочках и черных бархатных пальто, воротник из ламы, здесь же у нас, в Москве, доставали – в ГУМе с переплатой. «Импартный, импартный...» – так мы их и звали... Ой, чудеса, с шести часов утра, бывало, очереди у дверей магазинов – за коврами, за хрусталем, за телевизорами... Ну это, правда, по открыткам давали. Но как-то покупали эти открытки, доставали... Ах, Лешка, дорогой, мальчик ты мой... Ты, наверное, в восьмидесятом только первые шаги начинал делать. А я была директором мосторга, где ты сейчас служишь. Ну это ты, конечно, знаешь. Но не знаешь, что я являлась самой молодой в Москве директрисой. Моложе сорока тогда и не думай – максимум старший товаровед. А я в тридцать семь поднялась. А какие волки сидели в управлении торговли... А на местах... Директриса магазина «Синтетика» – он на Ленинском тогда располагался – приобрела себе в комке ювелирном сережки Фаберже, понимаешь, сколько они теперь стоят? Ну а тогда по связям обошлись сносно. Как, бывало, наденет на совещание... Морда лошадиная, пальцы все в кольцах и в любовниках держала такого же вот молодца, мальчишку, – Ольга Аркадьевна, придерживая руль одной рукой, потрепала Алексея Хохлова по затылку. – Нет, ты у меня, конечно, лучше. Ты вообще особенный. Но как же ей тогда все наши телки завидовали... Я-то уж развелась тогда со своим... Кешка у меня на руках остался, мать больная, парализованная. Крутиться много приходилось, из кожи лезть. А как

в директрисы Замоскворецкого мосторга попала, как назначили меня, то... Малость полегче нам тогда стало. А потом и совсем легко. Карты так, что ли, легли... Достаток как пришел, так и остался в нашем семействе.

Алексей Хохлов про себя усмехнулся. Достаток – это вы скромничаете, дорогая Ольга Аркадьевна. И сережки от «Картье», и сумочка «Шанель», что на заднем сиденье небрежно брошена, и даже этот новый «Ягуар» с сиденьями, обитыми белой кожей, – это так, мелочи. Богатая женщина – это не про вас. Очень богатая женщина – это куда ближе к истине. Богатая старуха... ведьма...

И что вспоминать Замоскворецкий мосторг, где когда-то вы звались и дворянкой столовой, и царицей, и владычицей морской, как в сказке, что теперь вспоминать – то всего лишь музей, паноптикум. Десятки по столице строятся новых торговых моллов – современных, сверкающих, из стекла и бетона, с прозрачными лифтами, зимними садами, фонтанами, кафе и ресторанами, кинотеатрами. И сколько, сколько арендных площадок принадлежит в этом раю для шоппоголиков вам?

– Потом еще говорили, что мы – торговая мафия, – Ольга Аркадьевна, словно подслушав мысли своего тридцатилетнего плечистого и крепкого любовника, хитро, кокетливо подмигнула, – да, да, мафия, мол... А мафия бессмертна, и вообще мы весь свой стартовый начальный капитал еще тогда, в восьмидесятые, формировали. Золото в бидоны складывали. Это ж надо – золото в бидонах... Это, кажется, в Средней Азии кого-то накрыли с хищениями и изъями, конфисковали – ну, оттуда и пошло. Представляю, как я в своей квартирке на Пятницкой с Кешкой-сыном, с мамашей моей, царствие ей небесное, и с бидоном, золота полным... Услышишь такую вот байку – плюнь в глаза.

– Все ради вас сделаю, – Хохлов поймал руку Ольги Аркадьевны и поцеловал ее в надушенное, отягощенное браслетом с брелоками запястье.

Хотел и дальше продолжить, но она со смехом отпихнула его.

– Я ж за рулем, дурачок, врежемся. Я же старушка уже, – голос ее хитро задребезжал. – Бодрюсь, храбрюсь, а возраст-то... косточки хрупкие, и так уж для своих лет лишнего себе позволяю, грешу с тобой. Так вот – услышишь, наплюй прямо в глаза лжецам. Имели мы, конечно, тогда что-то. Но весь капитал начальный в руки поплыл позже. Я даже дату тебе точную скажу, когда все это такое, крупное, по-настоящему весомое в смысле денег, началось. Это когда Горбачев в Фаросе торчал, когда ГКЧП свергали, когда кто-то там вокруг Белого дома, кто-то под танки, а умные люди... Шанс большой выпадает раз в жизни, и много времени не надо, Леша. Порой бывает достаточно одного дня хаоса и безвластия, чтобы сделать себе большие деньги и уже потом рискнуть и пустить их в оборот и делать уже очень, очень, очень большие деньги.

– Я только одного не могу понять, дорогая, – Алексей Хохлов улыбнулся.

– Чего?

– Зачем вы сына своего работать заставляете? Лето, а он в компании, в офисе. По его-то положению ему бы с женой где-нибудь на Маврикии сейчас сидеть, виски попивать у бассейна, закатом любоваться.

– Кешка у меня тряпка, – оживленное лицо Ольги Аркадьевны разом помрачнело. – Тряпка, эгоист, истерик... И в кого только пошел? Уж точно не в меня, не в нашу родню. Ему полезно на народе, в делах, а то закиснет, замечтается и сопьется, не дай бог... С женой-то своей красоткой. Ничего, я его к хорошему человеку определила, в нашей фирме он, Борис Шеин, конечно, никаких юридических советов его не слушает, да я и не в обиде. Главное, что он мои советы слушает до сих пор. И за сыном моим приглядывает. Держит его в рамках пристойности.

– Приехали, – сказал Алексей Хохлов.

«Ягуар» остановился на Никитской улице перед бутиком «Гардероб».

– Вот возьми, Лешенька, – Ольга Аркадьевна достала из сумочки «Шанель» деньги, пачку денег, и протянула ее своему тридцатилетнему, плечистому, крепкому любовнику. – Сам расплатись. И выбирай все, что хочешь, что понравится. А я погляжу, как ты примеряешь, полюбуюсь на тебя, мой сладкий.

Они вышли, Ольга Аркадьевна закрыла машину и оперлась на руку Хохлова. И только тут возраст ее стал заметен. Подагрическая походка, наклон корпуса. Хохлов крепко держал ее под локоть.

– И не торопись. Все примерь, все барахло это ваше новомодное. Я бы, конечно, предпочла, чтобы мы поближе к моему дому на Рублевке отоварились, но если ты хочешь сюда...

– Мне на работу в универмаг, я всего на два часа отпросился.

– Успеется, – Ольга Аркадьевна махнула царски. – Ты вот меня про Кешку моего спрашивал, а я тоже в толк не могу взять: что тебя самого на работе в этом твоём... нашем... когда-то и моем Замоскворецком мосторге держит? Не поделишься секретом, мальчик?

– Работа делает свободным, – ответил Хохлов и широко распахнул перед мадам Краузе двери молодежного «Гардероба».

В половине второго он с пакетами со служебного входа вошел в здание Замоскворецкого универмага на Александровской улице – сюда на работу доставил его уже не серебристый «Ягуар», а обычное желтое такси. Оставив пакеты в раздевалке для персонала, нисколько более не заботясь об этих дорогих подарках, он быстро переоделся – все служащие, и женщины, и мужчины, соблюдали в торговом зале общий дресс-код. И чтобы обязательно карточка-чип слева на груди с фамилией, именем.

Затем он прошел в торговый зал – в отдел парфюмерии, занимавший половину первого этажа. Пока шел, думал – скорее всего, старая ведьма Краузе догадалась... возможно, точно не знает, но подозревает, нюх у нее как у лисы... Может быть, имя ей еще не известно, но причину... ну, скажем, одну из причин, по которой он так дорожит этим своим не столь уж высокооплачиваемым местом старшего оператора электронно-кассового оборудования здесь в универмаге, мадам Краузе уже просчитала в уме. Она вообще это делает мастерски – просчитывает все ходы и почти всегда знает наверняка, кто, когда, с кем и где...

– Леша, где ты был так долго?

Сердце Алексея Хохлова подпрыгнуло в груди, сладко замерло. Ну вот, пожалуйста, вот вам и причина. Стоит и улыбается – приветливо и нежно.

В центре парфюмерного отдела, которым так славился в округе Замоскворецкий универмаг, у стенда «Шанель» его ждала Вероника. У нее только что кончился ее личный короткий перерыв на обед – продавщицы подменяли друг друга в зале на пятнадцать-двадцать минут. Пока одна в подсобке разводила себе в чашке пакетик куриного супа с сухариками и глотала его, давась и обжигаясь, другие приветливо улыбались клиентам. «Вам помочь? Обратите внимание, вот новые поступления... а на этот аромат сейчас действует скидка пятнадцать процентов».

– Привет, малыш.

– Привет, – Вероника улыбнулась.

Маленькая и хрупкая, едва-едва доходила она Хохлову до плеча. С короткой стрижкой, кудрявыми волосами напоминала она мальчика-с-пальчик. Когда он смотрел на нее сверху вниз, с высоты своего роста, у него комок часто подкатывал к горлу – такая она вся желанная, чудесная, смешная. Словно они знали друг друга очень давно, а потом расстались, умерли и вот снова встретились – уже в другой жизни, здесь, в универмаге.

– Вот, это я тебе купил. Подарок, – Хохлов протянул ей маленькую коробку.

В бутике на Никитской он потратил на себя не все деньги щедрой мадам Краузе. На себя он истратил половину, хотел бы даже меньше, но мадам могла это заметить и устро-

ить скандал. Тайком купил уже своей настоящей любовнице серебряную подвеску модного японского дизайнера.

– Ой, как мило, – Вероника обрадовалась. – Почему ты мне все время что-то даришь?

– Потому что хочу.

– Но это совсем необязательно – дарить.

– Это обязательно, и потом мне приятно.

– Все деньги, наверное, что она тебе дала... да?

Вероника спросила это таким невинным голоском. Ну что ж... мадам, может, и догадывается, просчитывает, а эта... эта знает все наверняка. Потому что он сам ей все сказал. Так, мол, и так. Пока что вот такой расклад, детка.

– Носи на счастье, – он застегнул на ней подвеску, украдкой оглянулся – нет клиенток? Нет, обычное затишье в торговом зале – и крепко прижал Веронику к себе, целуя в ухо и шею.

– В девять, как обычно? – спросила она.

– Сегодня я тебя провожу. Ну все, пошел к себе. На пульт.

Естественно, он оглянулся – Вероника стояла у стенда «Шанель». Уже отвернулась – в руках у нее образец-тестер с ароматом «Шанель № 19». Вечная, неувядаемая классика, но для двадцати двух лет все же еще рановато. «№ 19» всем духам предпочитала как раз Ольга Аркадьевна Краузе. И этот аромат ей шел, так же как шла ей ее стеганая классическая сумочка «Шанель 2.55». А вот возьми сейчас эту сумку в руки маленькая Вероника – будет все как-то сразу не так, красноречивая, но лишняя, лишняя взрослая деталь...

– Ты что вернулся? – Вероника обернулась.

– Так просто, у меня еще пара минут. Ты просто супер сегодня... И вообще я хотел тебе сказать. Ты ни о чем не волнуйся. Я все сделаю, я постараюсь. Как обещал твоему отцу. Я стану тебе хорошим мужем. И у нас будет много денег, малыш. Очень много денег. Это я тебе обещаю.

– Ты уже это говорил. Столько же денег, как у хозяина... Кстати, он сюда сегодня заезжал.

– Шеин?

– Да, Шеин, босс. И знаешь, мне показалось, что он чем-то сильно недоволен или расстроен. Выглядел каким-то вздрюченным. Значит, договорились – в девять?

Это было время окончания рабочего дня, когда после закрытия продавщицы всех отделов покидали здание. И вообще с некоторых пор никто из персонала не жаждал задерживаться в стенах Замоскворецкого универмага после наступления темноты.

Глава 3

ЦЕНТУРИОН МАРК

Тот, о ком Вероника упомянула лишь вскользь, назвав его боссом, тот, кому принадлежало все в границах универмага и многое другое, в это самое время сидел в кожаном кресле у камина в своем новом, еще не достроенном особняке в Переделкине и вежливо беседовал с гостем.

Борис Маврикьевич Шеин являлся известной личностью в столице. В мае ему исполнилось пятьдесят восемь лет, и полтора года назад он овдовел, потеряв жену в автомобильной аварии. Небольшого роста, с округлившимся животом, лысый, с ясными, как у младенца, глазами и широкой улыбкой. Только вот зубы, когда он улыбался, явно выглядели вставными – от очень дорогого американского дантиста. И в младенческом взоре при всей его ясности и непосредственности порой проглядывало такое, что люди опускали глаза и замирали в тоскливом ожидании.

Так случилось и сейчас – гость, вальяжно расположившийся в кожаном кресле напротив Шеина, чуть помоложе, коренастый с бульдожьим лицом и короткой стрижкой, напрягся.

– Борис Маврикьевич, вы знаете, как мы с братом вас уважаем. Но – нет, не могу. И самому, как говорится, нужно. И у самого, как говорится, планы большие.

– Я плачу хорошие деньги.

– Но мы с братом и сами хорошие деньги за это помещение заплатили. И уверяю вас, если бы не insult, что с братаном приключился, мы бы... Там место бойкое, рынок в двух шагах, много транспорта. Со временем сломаю эту халупу и построю нормальный магазин. Впритык к этому вашему памятнику архитектуры, – гость тараторил, но глазами тревожно следил за Шеиным. – О продаже не может быть и речи. Это ж центр Москвы, сами понимаете. Когда нам еще такой шанс выпадет, в центре что-то из площадей занять?

– Подумайте, дорогой.

– И думать тут нечего, нет. Рад бы уважить, верьте слову, – гость приложил к груди пухлую ладонь – на мизинце золотая печатка с бриллиантом. – Мы люди приезжие, провинциальные, нам лишь бы тут у вас в столице зацепиться. Вот и зацепились за центр. Магазинышко пусть и небольшой, но даже сейчас доход дает.

Речь шла об одноэтажном здании продуктового магазина, вплотную примыкавшего к территории, занимаемой внутренним двором Замоскворецкого универмага. Когда-то (лет этак тридцать назад и раньше) это здание служило одним из отделов Замоскворецкого мосторга – весьма популярным у населения, потому что там продавали ткани – ситец, фланель, байку, а также скобяные изделия. В девяностые оно пустовало, потом превратилось в склад. И вот, обретя нового собственника, стало круглосуточным продуктовым магазином. Этот самый магазин Борис Маврикьевич Шеин с большой настойчивостью просил продать... уступить ему. Незадолго до этого он выкупил все складские помещения, расположенные во внутреннем дворе универмага, и огородил двор высоким бетонным забором с железными воротами. Продуктовый магазин оставался единственным строением, которое еще не принадлежало ему.

Но не получалось. Гость, владелец, упирался.

– И все же я настоятельно прошу вас подумать еще.

– Нет. И с братом мы это обсуждали. Если бы не insult его треклятый, вместе бы тут у вас сейчас единым фронтом... охо-хо... Нет, уж извините. Ничего не получится, – гость глянул на Шеина, потом демонстративно на наручные часы. – Все, время, и так засиделся я у вас. Пора.

– Хорошо. Марк сейчас вас проводит, выгонит машину из гаража. Марк!

Шеин громко позвал, но ему не ответили. Тогда он сделал предупреждающий вежливый жест – одну минуту, мол, – и вышел, оставив гостя у камина одного.

В новом, еще не достроенном доме в Переделкине много комнат и совсем мало мебели. Шеин открыл одну из дверей – жалюзи на окне, стол, офисное кресло, а в кресле мускулистый мужчина лет тридцати пяти в белой сорочке с закатанными рукавами и расстегнутым воротом. Без галстука. Что-то пишет в блокноте, покусывая ручку. И тоненькая эта ручка, стилос тонет, тонет в его крупных, кажется, больше привыкших к оружию руках.

– Закончили, Борис Маврикьевич?

– Мое терпение лопнуло, упрямый как бык. У меня даже голова разболелась, – голос Шеина обидчиво дрогнул.

– Не хочет?

– Не хочет.

– Мне поговорить?

– Будь добр, Марк.

– Хорошо. Все равно рифма что-то не идет. – Марк поднялся: высокий и стройный, широкоплечий. – Рифма к слову «магнолия».

– Какая еще магнолия? – Шеин, найдя в столе пачку цитрамона, проглотил одну таблетку, не запивая ее ничем.

– Магнолия зари, – Марк шагнул за порог. – Сейчас все будет в норме, хозяин.

И вроде бы ничего не случилось. Он вошел в комнату с горящим камином и улыбнулся гостю.

– Пойдемте, сейчас вашу машину из гаража подгоню.

Пошли по длинному пустому коридору недостроенного нового трехэтажного особняка на окраине Переделкина в двух шагах от знаменитого кладбища – участок в полгектара за огромным забором – кричи, не кричи.

– Видели, какой винный погреб Борис Маврикьевич отгрохал? – спросил Марк, обращившись.

– Нет, не показал, не похвалился. И запасы уже есть?

– А как же, вот прошу, – Марк по пути небрежно толкнул одну из дверей – лестница крутая вниз, в подвал, а там темнота. Щелкнул выключатель. Гость любопытный сунулся в проем – поглядеть, какие там винные стеллажи в этих хоромах, и в этот момент Марк легко (выглядело это очень даже легко), но с невероятной силой толкнул его вниз. И гость полетел по лестнице вверх тормашками, ударяясь всем своим жирным телом, задом, брюхом, бульдожьим лицом, затылком в бетонные ступеньки.

Марк сбежал вниз. Жертва лежала на спине, он наклонился, сгреб за грудки, одновременно наступив (пока еще не сильно) на промежность. Встряхнул безжалостно, встряхнул еще, еще.

Гость застонал, открыл глаза, они выкатились из орбит – хотел подняться, оттолкнуть, но руки Марка сомкнулись как клещи.

– Достаточно или еще?

– Ты что делаешь?!

– Я спрашиваю – тебе достаточно или еще хочешь?

Гость, ошалевший от боли, опять было попробовал сопротивляться – крепкий, полный сил мужик, но...

– Пусти, скотина... больно же... ой, больно...

Марк рванул его вверх, прислоняя к холодной бетонной стене подвала.

– Звони своему нотариусу и оформляй сделку, Шеин устал ждать, ты его утомил своей несговорчивостью, – Марк нашарил в кармане брюк гостя сотовый.

– Пошел ты знаешь куда!

– Я поеду сейчас к тебе домой, а ты останешься здесь. Я заберу из дома твою дочь... девке твоей сколько лет? Восемнадцать? Уже? Ничего, в самый раз, пора, пожила свое, – Марк усмехнулся. – У нее ведь билет на самолет, сегодня на Крит улетает загорать. Так вот я ее отвезу в аэропорт.

– Она с тобой никуда не поедет!

– Со мной? Со мной поедет любая куда угодно. Посмотри на меня... она поедет со мной. И ее долго, очень долго не хватятся, потому что у нее билет на самолет и тур за границу. И тебя не хватятся, братан-то твой с тех пор, как паралитиком заделался, ни бэ ни мэ ни кукареку.

– В зоне сдохнешь!

– Никто ничего не узнает.

Гость стиснул зубы.

– Ладно, как скажешь, – Марк зажал в руке его сотовый и наотмашь ударил гостя по лицу. – Как скажешь, папаша...

– Зачем... зачем он ему? Мой магазин? Здание старое... чего он добивается, чего хочет?

– А он разве не сказал?

– Нет, – гость закашлялся, кровь из разбитого носа попала ему в рот.

– Ну, тогда я не знаю. Считай, что он просто хочет твой магазин. А я еду за твоей Натальей.

– Нет! Давай телефон... вот падла, – гость скрипел зубами, кашлял. – Давай я позвоню, только дочку не трогайте. Забирайте, чтоб вам пусто было. Если б брат не заболел, мы бы вам...

– Вы бы тогда оба имели экскурсию в наш винный погреб. – Марк сунул ему телефон, отошел, встал – широкоплечий, прямой, ноги расставлены. Очень современный – в дорогих ботинках и белой рубашке от Пола Смита он отчего-то очень смахивал сейчас на гестаповца. – Звони, отец, и подписывай бумаги. Получай бабло. И молись своему богу... что я сегодня добрый.

Гость начал набирать номер на мобильном, но руки его тряслись, и набор срывался.

– Рифму не подскажешь? – спросил Марк вдруг как ни в чем не бывало. – Рифма в стихе не шла, из-за тебя вот так и не придумал. К слову «магнолия»... Вертится в голове.

Гость глянул на него... Кровь из разбитого носа залила ему подбородок и грудь. На том конце наконец-то ответил нотариус: «Алло».

Глава 4

ЧТО-ТО НЕ ТАК

Есть места в Москве, которые не меняются со временем. И даже бешеный строительный бум последних лет не в силах что-то сделать там, что-то испортить, что-то сломать. Словно руки у кого-то не доходят или, наоборот, не поднимается рука. Вроде никому ничего не жалко уже, и самый центр столицы, и деньги найдутся, инвесторы... А вот нет перемен в декорациях. Так, всего лишь легкая поверхностная косметика – фасадов, стен, тротуаров. Сияющие рекламные панно где-то там, наверху, троллейбусные остановки в стиле хай-тек с прозрачными антивандальными козырьками, очаровательные скамейки, новый асфальт каждой весной. И конечно, припаркованные во дворах машины – престижных и дорогих моделей. Ведь тут самый центр, и вокруг уже сплошь офисы, банки, кафе, рестораны.

А здесь, на этом самом месте, – на площади Замоскворецкого универмага, все, все как и прежде. За исключением той самой поверхностной косметики.

Александровские казармы за стеной, их до сих пор все так и зовут Кремлевскими.

Серый монолит зданий за высоким глухим забором – территория Монетного двора. Все очень похоже на крепость, на форт, не подверженный никаким штурмам и осадам.

И жилые дома – целый квартал от Александровской улицы сплошь до Мытной и Большой Серпуховской. И все постройки тридцатых годов. Некоторые, как прокисшее заплевывшее блюдо, приправленные спешно проведенным капитальным ремонтом, а другие – мрачные, серые, но крепкие, как скалы, выстроенные по замысловатому проекту гениального архитектора, который когда-то именно в этом квартале для тогдашней сталинской элиты, удаленной от Дома на набережной, создавал новый советский город – вопреки окружавшему этот район купеческому, старинному, уютному Замоскворечью.

И этот диссонанс сохранился до сих пор. Сколько лет прошло, сколько поколений жильцов сменилось в этих старых домах. Как будто назло всем купеческим ампирам – пузатым колоннам, нелепым гипсовым львам, кудрявым «коринфским» карнизам, назло тем самым знаменитым московским дворикам, затененным липами, тут все строили из серого бетона в стиле кубизма.

И только Замоскворецкий универмаг гениальный архитектор отчего-то построил в стиле арт-деко.

Сколько лет...

Целый век...

И никаких глобальных перемен.

Особенно ночью, в самый глухой час...

Когда до рассвета еще много минут...

И нет уже сил ждать утра в щемящей тоске...

Последний троллейбус – номер первый, тот, что ходит через весь центр от Варшавки – по Тверской до Боткинской больницы и обратно тем же маршрутом – через Каменный мост, мимо кинотеатра «Ударник», по Полянке, по Люсиновской, а потом и по Александровской улице – мимо Замоскворецкого универмага...

Последний «первый» троллейбус в парк давно-давно прошел.

И машин совсем нет. Этой июльской ночью в три часа совсем нет машин – ни на площади, ни на перекрестке к рынку.

Тихо, как тихо в огромном городе. Когда Москва спит или притворяется, что спит, и не желает подходить к окнам и смотреть, что творится на темных улицах. Поворачивается на бок, зарывается в подушку, натягивает одеяло, несмотря на тридцатиградусную жару...

Или же спешно мчит на дачи в пятницу вечером – подальше от смога, от шума, от всего... От всего, что может случиться ночью.

Порой ведь так трудно признаться самому себе, что ты стал свидетелем чего-то такого... Проснувшись, как от толчка, среди ночи, в самый глухой беспросветный час, подойдя к окну из совершенно необъяснимого глупейшего любопытства и увидев...

Нет, только услышав...

Ночью как-то все воспринимается совсем по-иному.

И звуки...

Звуки ночи в большом городе...

Бесполезно кому-то рассказывать об этом, все равно не поверят. Скажут – приснилось. Ну, конечно же, приснилось. Ну а если не спали? Если точно проснулись и встали с постели и подошли, словно какая-то сила увлекла к окну, отдернули штору и слышали...

Бесполезно кому-то говорить об этом. Не поверят.

А если тому, что произошло ночью, были еще свидетели?

Время – три часа семь минут. По Александровской улице к зданию Замоскворецкого универмага подъехал милицейский «Форд» вневедомственной охраны, и в нем, как положено, экипаж из двух человек. Рация шипит, что-то со связью, сейчас наладится.

Мимо витрин универмага, залитых светом. Витрины совсем недавно оформили заново. Не так уж и много сейчас в столице найдется торговых центров, где столько внимания уделяется внешнему виду витрин.

Огни уличных фонарей, зеленый глазок светофора на перекрестке. Время три часа восемь минут, через две минуты, как и положено по инструкции, к универмагу подъедет машина частного охранного предприятия «Щит», по договору осуществляющего внешнюю охрану здания.

Патрульная машина остановилась у входа. Сияющие серебристые буквы – когда-то они были оранжевыми, но световую рекламу давно заменили, и теперь тут серебряный итальянский светодизайн, а вывеска все прежняя: «ЗАМОСКВОРЕЦКИЙ».

В серебристом свете все как-то выглядит особо, даже самая обычная патрульная машина «Форд» – синие сполохи «мигалки», желтый свет фонарей, красный огонек светофора, и все это смешивается, сливается и одновременно существует отдельно – каждый источник света в своем измерении.

Патрульный-водитель закурил сигарету.

– Сейчас приедут.

– А вон и они, – ответил его напарник.

С противоположной стороны площади подрулил старенький внедорожник, тоже остановился у входа. Из него вышли двое охранников в черной форме.

– Привет, дядя Миша, ой, и Морозов с тобой? Давно из отпуска? – один из сотрудников вневедомственной охраны тоже вышел (водитель остался за рулем, поздоровавшись с чоповцами, как со старыми знакомыми).

В ЧОПе «Щит» трудились бывшие сотрудники милиции, вышедшие на пенсию. И все в этом районе отлично друг друга знали.

– Все отгулял, сегодня первое дежурство вот, – чоповец Морозов зевнул. – Ночь какая-то сегодня... то ли давление... то ли перепили вчера с ребятами... Весь отпуск на Плесе... Скажу вам, ну и порыбачили мы там. Вот такие... нет, вот такие сазаны попадались!

– Ну да, киты-полосатики, – хмыкнул патрульный. – И я бы не отказался махнуть туда, на Плес, у меня отпуск с десятого числа. У тебя там родня?

– Полно родни – деревня вся и друзья, о чем речь – договарюсь, примут как родного. Надумаешь – позвони денька за два перед отпуском.

– Спасибо. Ну что, пошли обойдем?

– Сначала центральный вход, как и положено по инструкции, – чоповец Морозов поднялся по ступенькам к дверям.

Раздвижные, современные (одна из немногих новых деталей фасада) двери заперты.

– Сигнализация в норме, датчики просканировали, – патрульный в «Форде» высунулся в окно машины. – Все в порядке, даю сигнал на пульт.

Его напарник поднял голову – окна верхних этажей. В свете фонарей стекла отливали черным глянцем. Фасад Замоскворецкого универмага – выпуклый, округлый – нависал над перекрестком, заслоняя небо.

И с окнами все в норме. И так каждую ночь патрульного обхода по периметру. Что там на прошлой неделе сменщики болтали? Пацаны... набирают сейчас в патрульную службу абы кого... пацаны зеленые, воображение еще как у школьников... вот и мерещится...

– Датчики на витринах в норме, даю сигнал на пульт, – доложил водитель из «Форда».

Электроника электроникой, а проверить положено по инструкции. Витрины... Тусклый свет идет изнутри. Чоповцы прошли сначала вдоль витрин до продуктового магазина, плотно примыкавшего к зданию универмага. Странно, обычно магазин работает круглосуточно, а сегодня закрыт. В чем дело? Продавцы все на больничном или хозяин этой лавчонки поменялся?

Тусклый какой свет изнутри, из этих витрин... неживой...

А вывеска на фасаде сияет.

Вернулись к центральному входу и потом медленно, не торопясь, двинулись вдоль витрин, смотрящих на Александровскую улицу. Все в порядке, все в целости. Манекены – словно щегольски одетые утопленники в аквариуме... выглядит все стильно, но как-то хреново... И это пианино на витрине – старое с пожелтевшими клавишами, ретростиль... итальянские зонты, раскрытые навстречу уличным зевакам... Ретростиль... Кому пришла идея украсить витрину старым пианино? И что там на прошлой неделе болтали сменщики?... померещится же такое на штатном дежурстве... И кто сказал, что раскрытый зонт в доме – это к беде?

Но это не дом, это всего лишь универмаг.

Освещенный фасад Замоскворецкого кончился – со стороны Александровской улицы сразу же за универмагом – узкий как ущелье двор и восьмиэтажный серый дом, прозванный «генеральским». Если свернуть во двор, то идти надо вдоль бетонного забора, окружающего торговое чрево универмага, – это то, что раньше именовалось «прилегающей хозтерриторией». И здесь света мало, здесь нужны карманные фонари.

Но свернуть за угол они не успели.

ЗВУК...

Они слышали его все. Совершенно неопишутый... странный... жуткий... Донесшийся из глубин пустого здания. И ночь, городская ночь стала темнее, окружая их со всех сторон.

– Слышали, мужики?

– Черт, что это было?

– Вроде кричал кто-то... там, внутри...

– Так люди не кричат.

И тут звук повторился – на тихой, сонной Александровской улице он возник из темноты.

Не крик и не зов, а может, и то и другое – вой, глухое рычание...

Словно где-то там, внутри, за стенами, бродит опасный хищник, ищет выход наружу и пока еще не может найти.

– Вот черт, – чоповец отпрянул от витрины.

– Ты слышал? – спросил напарник водителя «Форда».

– Я слышал, датчики все в норме, сигнализация работает, внешнего проникновения нет.

Что-то заскрипело – там, наверху, пятна карманных фонарей взметнулись. Крона старой липы, фасад «генеральского» дома, окнами смотрящего на универмаг. На пятом этаже на одном из балконов открылась дверь. Кто-то из жильцов проснулся и вышел.

Пятна фонарей уперлись в...

– Погасите, погасите скорее, – голос, донесшийся с балкона, старческий, дребезжащий, но громкий – на этой впавшей в летаргию темной улице. – Вы тоже слышали? И не говорите потом, что это вам показалось. У меня окна сюда, и я ночами часто не сплю... Я слышу. Оно там, внутри. Заперто. *Не выпускайте его оттуда.*

Глава 5

НЕРВНОЕ УТРО

- Налить еще кофе, тетя Ева? Мы не опоздаем.
- Сколько сейчас времени?
- Всего-то половина девятого. Позавтракаем спокойно и поедем.
- Тебе легко говорить, Феликс.

Тот, кому «легко говорилось» – долговязый, щуплый, – встал из-за стола и разлил по чашкам остывший кофе.

– Тебе нечего там делать, – сказала та, которую он назвал «тетей Евой». – У следователя.

– Почему?

– Потому что ты еще мальчик... Тебе пока не время слушать такие разговоры, всю эту дрянь... Успеешь еще, наслушаешься, насмотришься, когда повзрослеешь. А в твоём возрасте надо жить без забот.

– Я тебя одну туда не отпущу.

Они и правда были теткой и племянником – ближайшими родственниками со стороны матери. Мать Феликса вышла замуж за канадца, когда Феликсу только исполнилось тринадцать лет. Там имелись свои дети, и канадец «приемыша» из России не особо хотел. Мать уехала в Торонто, оставив Феликса на попечение своей младшей сестры Евы Комаровской. Обещала присылать деньги из-за границы и еще обещала целиком оставить сестре двухкомнатную квартиру, оставшуюся от родителей, – тесную и узкую, как пенал, с гнилым полом и газовой колонкой в ванной, зато в самом центре, на Большой Ордынке, в двух шагах от метро «Третьяковская».

Разговор за завтраком и происходил на крохотной кухне этой старой квартиры – при открытом окне, за которым шумели тополя, слегка глуша эту нервную вибрирующую атмосферу, сгустившуюся над кофейником, чашками, масленкой и тарелками с овсяной кашей.

Открытки от уехавшей в Канаду матери Феликс – ему в этом году исполнилось восемнадцать – получал редко, только к праздникам. Но денежные переводы шли регулярно. Тетя Ева не расходовала эти деньги, складывала пополам – одну часть «в чулок», другую на банковский счет. И потом как-то в одночасье решила вложить весь этот скопленный капитал в недвижимость – трехкомнатную квартиру в подмосковных Люберцах. Там строился жилой комплекс с нуля, покупатели квартир одновременно являлись дольщиками строительства – так вроде выходило дешевле. Фирма сулила золотые горы. Но в конце концов ничего из всего этого предприятия не вышло.

Как всегда, из всего хорошего не вышло ни черта – из всех надежд, планов. Деньги пропали.

– Поделом мне. Это наказание, кара.

Феликс помнил, как тетя Ева сказала это ему – вот здесь же, на кухне, когда стало уже ясно, что деньги канули. Когда уже возбудили уголовное дело в Люберцах по факту мошенничества с недвижимостью.

Тогда она произнесла эту фразу с какой-то отчаянной бесшабашностью. И усмехнулась, а потом стиснула зубы. И Феликсу, любившему тетку всем сердцем, отчего-то стало не по себе.

Тетка не желала, чтобы ее жалели, – это он понял сразу. Никогда в жизни она не позволяла себя жалеть. Она была яркой женщиной – высокая, стройная, рыжеволосая. Пожалуй, не такая красавица, как мать, уехавшая в Канаду... Та всем своим обликом походила, судя по

семейным фотографиям, на бабу, которую в качестве своей любовницы вывез из Варшавы красный революционный маршал Иллиодор Хвостов.

Да, не такая красавица, но имевшая свою долю привлекательности и обаяния. И мужчины у нее водились, Феликс помнил их всех – кто-то вполне мог стать очень достойной партией для тети Евы. Только вот отчего-то все они не задерживались возле нее надолго, хотя поначалу просто с ума сходили. Видно, такова уж судьба.

И тетя Ева никогда не просила его «посмотреть» – что и как там, возможно, сложится в будущем у нее с кем-то из поклонников. Хотя он, Феликс, в принципе мог попробовать... У него же получалось... Но она никогда не просила его. А без ее просьбы он не смел.

Впрочем, жить вдвоем было удобно, комфортно. Ему, особенно ему. Ведь тетя Ева заботилась о нем все эти годы как мать. Этим летом, сдав чертов единый госэкзамен, по его результатам и после вступительных его приняли на механико-математический факультет МГУ. Затем состоялось еще одно собеседование, потому что Феликс собирался учиться на отделении астрономии, а туда набирали всего десять человек и только после одобрения кандидатур самим академиком Вознесенским.

– Кой черт тебе в этих звездах и галактиках? – порой спрашивала его тетя Ева, выпив вечером у телевизора лишний бокал красного вина. – С твоими талантами не в обсерватории штаны ночами протирать.

Насчет своих талантов Феликс особо пока не задумывался. Но пользовался. Например, с программированием у него складывалось все очень даже неплохо, и два последних года, заканчивая школу, он уже зарабатывал деньги в Интернете на разных проектах, в том числе и зарубежных, и одновременно посещал семинар и практические занятия при университетской обсерватории.

Не о хакерстве речь... Хотя и хакером он мог бы стать легко.

– Ну да, конечно, вот выучишься и махнешь к маме в Канаду, – тетя Ева полным бокалом красного вина вечерами за телевизором салютовала ему. – И скатертью дорожка. Проваливай.

Он садился на пол у ног тети Евы, на старый ковер, обнимал ее ноги и клал голову ей на колени.

Ее пальцы запутывались в его светлых волосах. Она гладила его по голове. И Феликс думал, а что бы случилось с ним, если бы тетя Ева все же вышла замуж и родила ребенка? Ведь все женщины хотят этого рано или поздно. Что было бы с ним? Можно представить, можно смоделировать с разной долей математической вероятности, а можно просто увидеть, призвав на помощь один и, наверное, самый главный свой талант. Но он этого не делал, отчего – он и сам пока не мог себе объяснить.

В это утро, нервное утро, июльское, душное, обещавшее жару, тетю Еву вызывали к следователю на допрос как потерпевшую в деле о мошенничестве с квартирами. Таких потерпевших-дольщиков насчитывалось до сорока человек. Ехать предстояло недалеко – в ГУВД Московской области, в Никитском переулке. Всего-то дойти до Полянки и сесть на «первый» троллейбус, выйти на Охотном Ряду и перейти на ту сторону Тверской к телеграфу. Можно воспользоваться метро, «Третьяковская» станция в двух шагах, но тетя Ева метро игнорировала, утверждая, что «в подземке она просто шалает», темные тоннели порождают у нее приступы клаустрофобии.

– Завтракаем спокойно и потихоньку собираемся, тетя, – сказал Феликс.

– А я говорю – нечего тебе там делать. Я сама справлюсь.

– А я говорю, что я тебя одну туда не отпущу. Частника поймаю.

– Ладно, дерзай, – тетя Ева усмехнулась. – Договорились – ты только проводишь меня туда. А потом гуляй, звони ребятам... лето на дворе... Я на обратном пути заскочу прове-

дать Искру Тимофеевну. Она человек хоть и старый, но опытный в таких делах – следствие, допросы, очные ставки... Сколько она в свое время их видела по лагерям-то да тюрьмам.

Глава 6

СТРАННЫЕ ОЧЕВИДЦЫ

Вы стоите на развилке, и перед вами сразу несколько путей... Какую дорогу выбрать?

И сколько раз можно ошибаться при выборе? Или ошибаться нельзя совсем? Но это в идеале, когда ваш выбор зависит только от вас одной... И вроде как вам решать все. А на самом-то деле...

Катя Петровская – криминальный обозреватель Пресс-центра ГУВД Московской области, капитан милиции – стояла, маялась на развилке. Но это так, образно, конечно... Она сидела на стуле в коридоре паспортного стола ОВД Центрального округа и ждала начальника. Приехала она в паспортный стол за новым загранпаспортом – «биометрией», коллега из Центрального сделал документ быстро, за три дня по старой дружбе.

Катя сидела и разглядывала свои ногти – что бы ни случилось в вашей жизни, а маникюр идеален. Кто это сказал? Во всяком случае, не душка Сережка Мещерский, который примчался в паспортный стол без звонка и без зова и теперь сидел рядом и капал Кате на мозги.

– Это бесчеловечно. Ты его совсем не жалеешь.

– Я же еду к нему, как он просил.

– Катя... ну пожалуйста... обдумай еще раз все спокойно.

Мещерский встал, потом сел. Катя наблюдала за ним отрешенно – а что, собственно, друг детства... кстати, друг детства мужа Вадима Андреевича Кравченко, именуемого на домашнем жаргоне «Драгоценным В.А.»... что это он так переполошился? Ну да, она, кажется, выбрала один из путей на этой чертовой жизненной развилке – подала документы на развод.

«Драгоценный» выслушал эту новость спокойно... бесстрастно... ну, скажем, без особых эмоций... На том конце телефона где-то в тихом курортном Баден-Бадене. Вот уже несколько месяцев он в качестве начальника личной охраны сопровождал уехавшего на лечение за границу своего работодателя Чугунова – старого и больного, страдавшего всеми недугами в мире. «Я самый больной в мире...»

– Я сделала, как он просил, – беру загранпаспорт, визу в немецком посольстве и еду, мы поговорим, объяснимся, – Катя утешала Мещерского и потому говорила мягко, но тоже бесстрастно... без особых эмоций. Кому нужны ваши эмоции? Ваши переживания в коридоре у двери начальника паспортного стола? – Он... Вадик хочет жить за границей. Хорошо. А я хочу жить здесь. И буду жить здесь. Он говорит, что Чугунов ему сейчас как отец. Возможно, он надеется, что именно ему старик завещает все свое состояние? Тогда все понятно, но при чем тут я?

– Ты его жена, и он тебя любит!

– Он живет в Германии, а до этого они с Чугуновым ездили в Австрию, в Тибет лечиться и куда-то еще... Ты же знаешь, ты сам все эти поездки в своей туристической фирме организовал.

– Чугунов очень плох. Это не отговорка Вадика, это правда.

– Я желаю ему самого крепкого здоровья. Но я тоже... я тоже больше не могу... так, вот так, – Катя выпрямилась. – Он хочет жить там, при Чугунове, и ждать наследства... дождется ли вот только... А я живу здесь. И пора это как-то закончить.

– Забери документы, к черту ваш развод! Я не позволю, – Мещерский встал.

Маленький, покрасневший в пылу спора, он навис над Катей.

– Слышишь, Катя? Я не позволю. Я не для этого столько лет... все эти годы... черт, вот черт...

– Не ори так, тут люди делом заняты.

– Я не для этого столько лет... любил вас обоих... его и тебя... тебя, тебя любил. И ты думаешь, что вот так спокойно можешь наплевать на все? Развестись? Бросить его? Может, ты думаешь, что я на тебе женюсь?

Катя снизу, со своего стула посмотрела на бешеного Мещерского. Боже мой... а мы и не знали, какие вы...

– Так вот, я на тебе не женюсь! – Мещерский рубанул воздух ладонью, словно отсекал что-то от себя. – Мечтал об этом все годы, может, и ждал... да, надеялся, так мечтал... Но после того, как ты с Вадькой поступила, – нет!

– Да как я поступила? Это же он уехал со своим Чугуновым, он ему дороже всех, выходит. Дороже меня.

Катя тоже встала. Пора и тут заканчивать. Хватит истерик, хватит объяснений и угороров.

– Ты думаешь, что можешь вот так с ним... с нами поступать, потому что красивая? Красивым все позволено, да?

Посреди истерики еще и комплименты выплывают. А народ, кажется, уже прислушиваться начинает – что там за скандал. Вон в конце коридора люди на лестнице – шли мимо, остановились, удивленные. Один сюда смотрит, высокий.

Катя достала из сумки бумажный носовой платок и протянула Мещерскому.

– Вытри слезы и успокойся.

Мещерский отвернулся к стене.

Тогда она пошла по коридору. Начальник паспортного где-то задерживается, вот досада, как не вовремя... К кому бы тут в ОВД Центрального округа зайти из знакомых? Переждать бурю в стакане воды.

Двое мужчин – те самые, что с любопытством наблюдали за скандалом, теперь спустились по лестнице на второй этаж, где располагался отдел вневедомственной охраны. Один – уже в годах, полный и лысый, в отличном сером костюме, отливавшем стальным блеском. Второй – на полшага сзади – высокий, немного сутулый, средних лет, в черном дорогом костюме и белой рубашке, дресс-код, в котором ходят телохранители весьма состоятельных господ. Катя за годы жизни с «Драгоценным В.А.» в этих тонкостях досконально разбиралась.

Высокий оглянулся.

Катя пошла в отдел вневедомственной охраны, вспомнив, что там сейчас на дежурстве должен быть майор Бурлаков. Вот тут, в 23-м кабинете, можно зайти к нему поболтать – он дядька простецкий и добрый. До обеда трезв как стеклышко, после обеда... в сейфе всегда у него имеется, и порой к нему кореша заглядывают из других отделов – вроде по делам, а там и на «семь капель».

А Мещерский пока что в себя придет, образумится. А может, уедет, смоеется. Не станет же он по всему зданию разыскивать ее по кабинетам. А объясняться еще и с ним по поводу Вадьки... по поводу развода у нее сейчас просто нет сил. После того, как она заберет загранпаспорт и обратится в посольство за визой, пройдет дней десять – шенген в меньший срок не уложится, а может, даже две недели. И это станет для нее отсрочкой.

По сути, ведь она все еще стоит на этой чертовой развилке.

И наверное, решит все сама.

Но потом, не сейчас.

Катя решительно постучала в дверь двадцать третьего кабинета и вошла. Майор Бурлаков восседал за столом, а напротив него сидели двое патрульных. Лица у всех троих какие-то кислые – так показалось Кате в тот момент.

Она и представить себе не могла, на пороге каких событий оказалась вот так – по чистой случайности, открыв дверь двадцать третьего кабинета вневедомственной охраны.

– Какие люди! Екатерина, привет.

– Здравствуйте, я не помешала?

– Присядь, мы вот сейчас только с рапортами закончим, – Бурлаков при виде Кати приосанился и оживился.

И Катя села, решив поболтать с майором Бурлаковым, как только он отпустит своих подчиненных. Но то, что она услышала в последующие полчаса, заставило ее забыть обо всем – о паспорте с «биометрией», о расстроенном Мещерском и даже о том выборе, который...

Одним словом, все подождет – тут вот тут дела интереснее.

– И что я читаю в этой вашей бумаге, так называемом рапорте руководству, – майор Бурлаков взял со стола два листа, мелко и убористо исписанных. – Подъехали, как обычно, в три часа ночи, цель – контроль и профилактика...

– Машина ЧОПа прибыла несколькими минутами позже. Там вон Морозов в двадцатом кабинете ждет, тоже побеседовать с вами желает, – один из патрульных говорил, а другой помалкивал.

Катя вдруг поняла, что она лишняя тут, и хотела было встать.

– Ни, ни, ты, Екатерина, сиди. Вот, – майор Бурлаков кивнул на нее, – вот коллега из областного Главка, из Пресс-центра, вот при ней все и излагайте. А потом решим сообща – могло такое случиться или... Нет, это ж курам на смех! Что там, по-вашему, привидение, что ли, в универмаге завелось?

Кате стало любопытно.

– Мы оба написали все как было, – нехотя ответил патрульный. – А там уж... Морозов вон из ЧОПа подтвердит. Он и ту бабку с собой специально привез. Она тоже с ним в двадцатом – вас дожидаются.

– А о чем мне с ними говорить? – хмыкнул Бурлаков. – Я с вас объяснения требую, потому как вы мои сотрудники и находились в ту ночь на дежурстве при исполнении служебных обязанностей. А сами наклюкались так, что черти мерещиться вам обоим начали!

– Да не пили мы в тот вечер! – воскликнул до этого молчавший патрульный.

– А какого хрена тогда в официальном рапорте пишете... вот: «Проходя по периметру здания универмага, слышали неуставленные звуки потустороннего происхождения», – Бурлаков процитировал рапорт.

Кате стало очень интересно. Согласитесь, не часто такое услышишь в отделе вневедомственной охраны.

– Ну а если я не знаю, как тот звук вам описать, – голос патрульного был скучным. – Конечно, ваше право не верить. Но мы слышали, и Морозов с дядей Мишей тоже слышали. И та старуха из дома напротив. Она проснулась.

– Может, какой пьяный вопил? Алкаш?

– Так люди не кричат. И вообще это не на крик было похоже... Не знаю, как описать. И не вопль... звери так иногда... ну, не знаю, тигр ревет... не знаю, тигров тоже не слыхал. Короче, что-то нечеловеческое.

– Морозов даже сдрейфил, побледнел, – буркнул второй патрульный. – А вы его знаете. Кого Морозов боится?

– Что-то «нечеловеческое»... Слыхала, Екатерина? – Бурлаков вздохнул. – Вот оно как у нас теперь все. Вот какие рапорта в папки подшиваем. А с сигнализацией там все оказалось нормально?

– Так точно. Все датчики работали и были исправны.

– Внутри универсама вы не входили?

– Не положено, сами отлично знаете.

– Да я-то знаю, я вот не знаю, как такие рапорты на стол начальнику управления класть. Завтра же кадровики свою бумагу настрочат с проверкой, на тесты еще находитесь потом насчет алкогольной и наркозависимости!

– Не пили мы в тот вечер, – упрямо повторил патрульный. – А звук тот слышали. Шел он изнутри здания... Старуха вон говорит...

– Да умолкните вы со своей старухой... дойдет и до нее очередь, – Бурлаков отмахнулся. – И с Морозовым буду говорить. Я как эту вашу писанину сегодня утром прочел... батюшки-светы... это ж вы под увольнение себя подставляете, мужики. Глюки мерещатся на суточном дежурстве! Вот что кадровики скажут. И будут сто раз правы. Чтобы вот такие рапорты ваши чудесатые прикрыть, сто бумаг надо исписать. И все мне, вашему непосредственному руководителю. Потому что жалко вас, дураков... если уволят сгоряча...

– Простите, а о каком универсаме речь? – спросила Катя.

– «Замоскворецкий». Бывший мосторг, – ответил патрульный. – Мы все понимаем, только... изложили мы всю правду, все как было.

– Я владельца здания вызвал, у нас с ним договор на охрану. Возьму и с него объяснения, – Бурлаков покачал головой. – И все ради вас, дурней, стараюсь. Это ж надо – «потустороннее происхождение»...

– По-другому не скажешь. Нечеловеческое что-то... Неприятно было это слышать, если не сказать жутко, – патрульный покосился на Катю, – Морозов с участковым разговаривал, а тот с кем-то из казарм, что напротив. Так вот вроде и там тоже слышали – караульные, дежурный офицер. Причем несколько раз и все ночами. А жильцы соседнего дома...

– Слушай, ты что, следователь или участковый? – Бурлаков разозлился. – Ты что мне тут канитель затеваешь? Сигнализация универсама в норме была?

– Так точно.

– Признаков проникновения в здание вы не зафиксировали?

– Так точно, не зафиксировали.

– И все. Вот это самое для нас главное. Для нас – вневедомственной охраны. А если желаешь в эти, как их... охотники за паранормальщиной податься, то вот бумага, вот ручка – рапорт на увольнение, и адью. Я понятно изложил?

– Так точно, товарищ майор, понятно.

– Все свободны. С Морозовым вашим я потом сам разберусь. Он как уволился, как в ЧОП перешел работать, так с хорошей-то зарплатой, видно, на коньяк стал налегать.

– Да не пил он в тот вечер! Трезвый, только из отпуска.

– Тем более что из отпуска... с бодуна хорошего... Все свободны, – Бурлаков стукнул по столу. – С владельцем здания сейчас переговорю. Потом съездим все там в этом универсаме осмотрим для порядка – в целях профилактики... А рапорты перепишите. Чтобы этого слова поганого «потустороннее» я там больше не видел.

Патрульные забрали рапорты и молча вышли.

– А что случилось-то? – спросила Катя.

– Да вот курьез на ночном дежурстве. Патрулировали объекты в районе Александровской улицы. Возле Замоскворецкого универсама остановились показания датчиков считать. А потом... вот понаписали всякую хрень. Странно. Ну одно дело новички, но они-то давно уже работают. И парни вроде неплохие, неглупые. Звуки, видите ли, они ночью слышали...

перепугались... Кому сказать... С меня же первого потом спросят – что у тебя с личным составом творится в отделе.

– Замоскворецкий универмаг... знаю, – Катя кивнула. – Давно я там не была. Старое такое здание.

– Да, развалина, но памятник архитектуры, в федеральном списке состоит, а то бы сносили. В Замоскворечье-то нашем сейчас одни фасады от купеческих особняков остались, а начинка вся новодел. Универмаг же все стоит.

– А может, туда и правда кто-то залез внутрь? Надо пленки с камер посмотреть, – Катя давала советы с видом знатока.

– Нет там камер. Хозяин – некто Шеин – наотрез отказался от установки. И не дежурит там никто ночами-то... внутри здания. Ни сторожа, никого. ЧОП только снаружи вместе с нашими объезжает. На сигнализацию хозяин надеется, хорошая система, японская. Мы аналоги только сейчас внедряем у себя. Прямой вывод – на наш пульт охраны.

– Вашим сотрудникам надо было все там сразу проверить, открыть и войти... – сказала Катя.

– Как вошли бы туда, так там бы и остались. Ночью там делать нечего. Врагу злейшему не пожелаю ночью там оказаться. Внутри.

Голос, перебивший Катю, старчески дребезжал.

– Я все жду, жду, когда вы меня вызовете. И вот решила сама. Уж извините – без стука – в одной руке сумка у меня, в другой палка, клюшка моя.

Они оглянулись. В дверях возникла маленькая, похожая на сверчка старушка, одетая, несмотря на июльскую жару, в теплый шерстяной костюм болотного цвета. На голове у нее красовалась панама цвета хаки, в руках – палка с затейливой резной ручкой из янтаря.

Бурлаков встал, вышел из-за стола и подвинул посетительнице стул.

– Прошу вас. Извините, бабушка, что пришлось подождать.

– Я Искра Тимофеевна Сорокина, молодой человек, – объявила старуха. – Мне без малого девяносто, а я каждое утро йогой занимаюсь на балконе. И в таких учреждениях, как эта ваша ментура, столько за свою жизнь побывала... И на Лубянке посидеть сподобилась в свое время в незабвенном сорок восьмом году... так что бабушкой зови своих старух, внучек, дома, когда они тебе блинков к самогонке напекут. Усек?

Пожилая дама произнесла последнее слово с таким лихим задором и так веско, что Бурлаков...

– Так точно. И какое же дело у вас ко мне, уважаемая?

– Ребятки сейчас отсюда вот вышли расстроенные, милиционерики, – Искра Тимофеевна села напротив Бурлакова, посмотрела на Катю. – Не поверили вы им. А они правду сказали.

– Они оставили рапорта. Если вы по поводу ночного инцидента возле «Замоскворецкого», то будем проверять, – тон Бурлакова изменился – вежливый и сухой, чрезвычайно деловитый. Что, мол, тебе, бабуса, еще нужно?

– Не возле это, не на улице. А там, внутри.

– Хорошо, хорошо, мы все проверим и примем меры. Не волнуйтесь.

– Да я-то не волнуюсь. Меня-то что же не расспрашиваете? Я, между прочим, тоже слышала. И не только этой ночью.

– Вы в доме напротив универмага проживаете, как я понял?

– Да, квартира сороковая у меня на пятом этаже.

– Давно вы там живете?

– В доме-то... да как построили его и заселили, с тридцать второго года там наша семья жила.

– Неужели так давно? – удивилась Катя.

– Отец мой... если историю в школе учили, то встречали наверняка фамилию: отец мой Сорокин Тимофей Григорьевич, герой Гражданской войны.

Пожилая дама произнесла это с гордостью.

– Это что, маршал Сорокин? – спросил Бурлаков. – Тот, кого с Тухачевским и Блюхером Сталин...

– Папу расстреляли в тридцать восьмом. А до этого в тридцать втором получили мы роскошную квартиру на Александровской в «генеральском» доме, тогда он назывался дом красных командиров. На третьем в бельэтаже – семь комнат с лоджиями, солярием, не хуже, чем Тухачевский получил в сером доме. Когда отца арестовали, все забрали, а нас с мамой пихнули туда, где я сейчас живу, – эта квартирка сороковая, она для obsługi предназначалась, вообще вся эта наша сторона, потому что вида из окон никакого – стена универмага и окна его. И уже отсюда меня в сорок восьмом году забрало МГБ, доучиться в университете даже не дали. Тюрьма, потом опять тюрьма на Лубянке, допросы, затем десять лет лагерей. Некому хлопотать обо мне было, так что до пятидесят шестого года дела моего не пересматривали. Сначала Читинский лагерь, потом перевели под Красноярск. А после съезд нас освободил, и вернулась я домой в Москву. Знаете, что первым делом тогда сделала? Пошла в Замоскворецкий наш мосторг и купила себе красную губную помаду. Такой ужас, а мне нравилось...

Катя почувствовала, что дочь красного маршала Сорокина может сидеть вот так очень долго и предаваться былому и думам. Есть такая категория старушек – спозаранку они встают и отправляются кто в собес, кто в поликлинику, и особенных дел-то там у них нет, зато это выход «в люди», возможность с кем-то потолковать. Вот эта старушка пришла в милицию, благо повод появился...

Но нет, подумала Катя, она не сама сюда явилась. Ее кто-то из чоповцев привез, как дополнительного свидетеля.

– Вам скучно меня слушать, я понимаю. И у вас дела, работа, – Сорокина словно угадала их мысли. – Я к тому это все рассказала, чтобы вы поняли – я многое чего повидала в жизни и с карательной системой... то есть с правоохранительной знакома достаточно. Понимаю, что на слово у вас тут никто не верит. И тем не менее. Я не выжила из ума. А ваши ребята сказали чистую правду. Мы все *это* слышали. На что эти звуки похожи, я не знаю и описать затрудняюсь. Но они громкие. В нашем доме сейчас почти все на дачах, но, если хотите, я поговорю с соседями, которые остались.

– Ой, нет, не утруждайте себя, – испугался Бурлаков.

– И еще я кое-что заметила. Они все очень быстро уходят вечером, никто не задерживается там.

– О ком вы говорите?

– О персонале. О продавщицах, о подсобных. Охранник закрывает, запечатывает здание в девять вечера. Сейчас еще светло совсем, лето. А там никто никогда не задерживается ни на минуту лишнюю.

– Такова инструкция, мы здание ставим на пульт охраны здесь.

– Но хотя бы сторожа оставляли! Так нет, никто там внутри ночью сидеть не хочет. А почему? Да потому что тоже знают, слышали. Может, и вам ничего не скажут, начнут темнить. Но в курсе они – я голову даю на отсечение.

– Ну а может, вы что-то видели? – Бурлаков особо выделил последнее слово.

– Нет, врать не стану. Ничего я не видела. Просыпалась несколько раз среди ночи, будило меня это, пугало.

– И когда все это началось?

– Недавно относительно... но вообще-то и давно. Знаете, с этим нашим мосторгом связана одна история...

– Так, хорошо, я вас понял, – Бурлаков совсем испугался: сейчас старуха выдаст еще одно «воспоминание» часика на полтора-два. – Сигнал ваш мы приняли к сведению, бумаги какие-то писать сейчас, поверьте, надобности нет – заявления там и тому подобное, вы время потеряете, а мы и так этот случай ставим на контроль, патрулирование в ночное время территории прилегающей усилим и вообще все проверим досконально, так что...

– Поняла, так что ноги уноси домой, бабка, – Искра Тимофеевна Сорокина поднялась – легко для своих почтенных лет. – Я не стучать сюда к вам пришла. Меня ребята ваши подтвердить попросили. Одним словом – помочь. А если меня просят помочь, я всегда помогаю. Так меня отец мой учил. Быть отзывчивой. Даже... – она посмотрела на Катю, – даже с риском прослыть выжившей из ума.

Глава 7 ПОСТЕЛЬ

Нет, дела на фронтах супружества – дрянь. Василиса Краузе поняла это в который уж раз, когда муж Иннокентий попытался заняться с ней сексом, покуда она спала.

За окном белый день.

В три часа утра они вместе вернулись из клуба «Сохо», где Иннокентий – мать Ольга Аркадьевна Краузе до сих пор звала его просто Кешкой – пил в баре, а Василиса поднялась на крышу на летнюю террасу и устроилась в гамаке, завернувшись в пашмину.

Одна.

Вид на Москву, на набережную.

И это при живом-то муже.

При всемогущей, великой и ужасной свекрови.

У той хотя бы молодой любовник завелся, новый.

А у нас...

Когда-то Василиса училась на историческом факультете МГУ и писала курсовые по Первой мировой войне. Так вот супружеская жизнь их с Иннокентием Краузе напоминала то окопные перестрелки... перепалки... вялые такие... то штыковой штурм, после которого каждый зализывал раны в тупом одиночестве, а то тотальную газовую атаку.

Это когда они с мужем... когда они пытались в который уж раз что-то выяснить, одним словом, поговорить «за жизнь».

Кончалось все одним и тем же – им обоим становилось нестерпимо, невозможно друг с другом – в спальне, в гостиной огромного особняка на Рублевке, в зале ресторана, в театральном фойе. Словно они попадали разом в ядовитое газовое облако, и чтобы вздохнуть полной грудью, очиститься, успокоиться, следовало бежать прочь – подальше. Муж – от жены, жена – от мужа, Иннокентий – от Василисы, а она...

Иногда с ним случались истерики, и он рыдал. По-настоящему рыдал, горевал, не притворялся. А она наблюдала – сидя в кресле или на козетке, поджав ноги. Или вот – на постели в съемной квартире в Крылатском. Они вместе договорились снять ее, чтобы хоть изредка, хоть ненадолго бывать вне поля зрения зорких очей Ольги Аркадьевны.

Мать Иннокентий вроде бы очень любил, «вроде бы» – это потому что... он так трепетал при малейших нотках недовольства в ее тоне, так нервничал, так боялся и одновременно тянулся к матери, мучительно ревнуя ее ко всем.

Василиса с самых первых дней замужества знала, что вышла за маменькиного сынка. За богатого маменькина сынка, которого мать по странной прихоти заставляет работать – делать дело, как она выражалась. И это, увы, у него не ахти как получается.

Что ж, ей повезло – так считали все ее прежние подруги, и постепенно от зависти они практически перестали с ней общаться, перестали звонить.

Наверное, ей повезло, везло же тем солдатам на фронтах Первой мировой, что выжили в газовых атаках...

Муж пытался изнасиловать ее, пока она спала.

Вот сейчас, на этой самой постели.

Пристроился сзади и причинил ей такую боль...

Отлично зная, что она ненавидит анальный секс, он тем не менее...

Она проснулась и ударила его по лицу – вместо «доброе утро», после бессонной ночи в клубе «Сохо» в сигаретном дыму.

Получай...

Штык тебе в брюхо, враг мой, муж мой...

– Дрянь!

– А ты извращенец! Пьяный извращенец!

– Куда ты, стой! Я люблю тебя!

Василиса, голая, прыгнула с постели и побежала в ванную.

– Вот дря-я-я-янь!

В ванной Василиса заперлась, прислонилась к холодной кафельной стене. Он делает это, потому что знает. Да, да... вся эта их жестокая война, вся эта их долгая междоусобица... Просто Кешка знает, что она ему изменяет. Сейчас с Шеиным – его боссом. А до этого были другие – молодые, ровесники.

Кешка определенно знает все, это наверняка она ему сказала – мать, свекровь.

Встать под горячий душ и смыть это с себя.

– Васенька, ты там? Открой, ну пожалуйста... ну, я извиняюсь. Васенька... ну, я не знаю, как это вышло... ну прости... я себя полностью контролирую, даю слово, что такого никогда больше не повторится... Открой, я хочу к тебе. Я люблю тебя.

Я люблю тебя...

Из углов ванной начал появляться незримый горчичный газ. Газовая атака началась. Всем надеть противогазы.

Василиса включила воду на полную мощность.

– Да открой же ты! Дрянь! Шлюха... Открой мне дверь!

Удар!

Нет, дверь ему не сломать. Он тощий и хлипкий. Когда они познакомились, она обратила внимание, какая тонкая у него шея и какой огромный кадык. С тем, что он не красавец и не мачо, она смирилась сразу – серый какой-то, угловатый. Когда они только-только познакомились и начали встречаться, он смотрел на нее преданно, по-собачьи. Потом Василиса поняла причину – она кого-то напоминала ему, возможно, его первую, самую первую любовь.

Удар в дверь.

Ничего, это просто опять истерика с ним.

Обычно он тихий. Слишком даже тихий на людях и стеснительный (и это при таком-то мамочкином капитале). Но он редко когда говорит про деньги, даже с ней – со своей женой. И вообще он весь какой-то зажатый порой. Иногда Василисе даже кажется...

Удар в дверь.

Вот сейчас, например...

– Открой, слышишь? Я тебе ничего не сделаю, только открой мне!

Вот сейчас... когда голос его вот так звенит, как бритва... ей, Василисе, кажется, что он похож на маньяка.

Там, за этой дверью – с ножом, с топором.

Она открыла замок.

Иннокентий, завернутый в простыню, буквально упал, сверзся на нее – она подхватила его как ребенка. Лицо его мокро от слез.

– Васенька моя, ну прости, прости меня... люблю тебя очень...

Это... вот это всегда напоминало Василисе эпизоды «братания в окопах» Первой мировой.

– Я не резиновая кукла.

– Да, да, конечно, – он покрывал ее шею, лицо поцелуями.

– Я живой человек.

– Да, да, – он весь дрожал.

– И я так больше не могу, Кеша.

– Нет, нет, мы сможем, не говори так никогда.

Он обнял ее – Василиса видела тысячи раз, что именно так он обнимает мать.

Ей ничего не оставалось, как обнять его тоже.

Утро... то есть новый день – жаркий, июльский – они встретили в своей постели, куда вернулись из ванной, держа друг друга за руку, все друг другу простив, или нет – позабыв на время.

И не занимались сексом, просто лежали рядом, уставившись в потолок.

А потом у Иннокентия зазвонил мобильный, и по звонку Василиса поняла, что это Шеин Борис Маврикович – босс мужа, старинный приятель и компаньон свекрови и по совместительству галантный пожилой любовник Василисы.

Именно с ним Василиса забывала о своих домашних фронтах. О своей личной войне в тылу семьи Краузе.

Глава 8 МАГНОЛИЯ

В общем-то, конечно, это курьез и ничто иное, – так подумала Катя, покидая кабинет майора Бурлакова. Вполне годится для коллекции милицейских баек: «вселяющие ужас звуки», раздающиеся по ночам в пустом здании Замоскворецкого универмага.

Интересно, если это розыгрыш патрульных специально для Бурлакова, то...

Но они рапорты официальные написали. А за такие рапорты можно и неполное служебное схлопотать – за слишком пылкую фантазию или любовь к розыгрышам, это значение не имеет.

И потом сотрудники ЧОПа... И еще эта старушка – дочь маршала Сорокина, сама хлебнувшая лиха в годы репрессий.

Нет, тут что-то не так. На розыгрыш не похоже. Но случай типично для коллекции служебных историй «небывалое бывает».

Странно, что речь зашла именно о Замоскворецком универмаге. Что-то такое с ним связано... Катя на мгновение закрыла глаза. Да, вот... витрина – огромная, зеркальная, и она видит в ней свое отражение. Маленькая фигурка... Сколько лет ей тогда было? Четыре? Пять? Они идут с няней по улице. Няня крепко держит ее за руку, а мимо проезжает синий троллейбус. И витрина – такая большая витрина блестит как зеркало, и все, все в ней отражается: троллейбус, облака, прохожие и Катя. Нет, не вспомнить себя пятилетней никак. И лица там, в витрине, не разглядеть сейчас. Одни лишь смутные обрывки – жарко, это потому что пальтишко теплое, красное, а уже весна, конец марта. Ручьи текут по асфальту. Да, витрина Замоскворецкого универмага, и время действия весна. И буквы огромные над входом. Весна, ручьи, грачи прилетели... А то, другое, случилось зимой. В самый лютый мороз.

И няня весной появилась в их доме другая, родители работали, а в детсад Катя никогда не ходила, так же как и друг детства Сережка Мещерский, и второй друг детства Вадим Кравченко – муж теперешний и, возможно, скоро бывший. Домашние дети – так они и росли дома кто с бабушками и тетками, как Мещерский, кто с дедом, как Драгоценный, а кто с нянькой, приходящей поденно. Да, да, весной нянька появилась другая, а та, прежняя... Что же с ней стало?

Кате внезапно стало душно. Нет, и вспоминать это не нужно. К черту Замоскворецкий универмаг... Вот они с нянькой идут по улице мимо витрин, и ручьи текут по асфальту, и Катя все смотрит, смотрит на себя в эти витрины, как в зеркало. Может, с тех самых пор в ней и засела эта неистребимая привычка смотреть на себя во все отражающие поверхности – стекла припаркованных машин, мраморный цоколь...

Они гуляют с нянькой по Москве, а до этого долго ехали на троллейбусе. Вышли и медленно идут. А впереди двери – стеклянные распашные, – и они кажутся ужасно новыми на фоне коричневых стен и серых гранитных ступеней входа. Одна ступенька, две, три, и вдруг...

Катя вспомнила это ощущение, как она выдернула... нет, попыталась вырвать свою ладошку из руки няньки, которая вела ее вверх по ступенькам к дверям... к этим стеклянным распашным дверям Замоскворецкого универмага.

Нет, не пойду... не хочу... не пойду туда, нас там закроют!!!

Да что ты, девочка, что с тобой? Почему ты так кричишь? Чего ты боишься? Это же просто большой магазин. Замоскворецкий универмаг.

Катя открыла глаза. Все, все, все, все... Хватит, хватит. Почему же так страшно вдруг стало? Страшно... и еще какое-то чувство – докапываться до его сути нет сил, потому что

станет только хуже. Вот здесь и сейчас – в тесном коридоре отдела вневедомственной охраны – станет только хуже и воздуха вообще не хватит – сердцу, легким...

– Эй!

Кто-то что-то сказал, спросил, окликнул...

– Эй, на палубе?

Катя оглянулась: в тесном коридоре она не одна. На банкетке расположился тот самый тип в черном костюме и белой рубашке без галстука. Длинный, средних лет, темноволосый.

– Все в порядке?

Голос у него... хороший голос, мужской, уверенный в себе. А в руках маленький блокнот и ручка. Что-то пишет, и выражение лица – сосредоточенное и задумчивое, а теперь вот... смотрит. И тогда тоже во время их перепалки с Мещерским тоже смотрел с любопытством.

Катя присела на банкетку – на дальний край. Сейчас посижу и пойду в паспортный, интересно, Мещерский ушел или все еще ждет?

– Ну что, все в порядке? – настойчиво переспросил незнакомец.

– Да, наверное, голова закружилась.

– Вы тут работаете?

– Нет.

– А где?

Ответить: «А вам какое дело?» Грубо получится, он же вроде как участие проявляет... и любопытство.

– Не здесь.

– Но в этой системе? – незнакомец смотрел на нее, держа блокнот. А в нем строки какие-то в столбик.

– Я работаю в Пресс-центре, я криминальный обозреватель, с прессой сотрудничаю.

– Журналистка, что ли?

– Считайте, что да.

– И статьи сами сочиняете, печатаете?

– Сочиняю.

– А вообще?

– Что вообще?

– Ну кроме статей? Пишете чего-нибудь?

– Времени нет.

– А тот коротышка, что ругался, он вам кто?

– Простите, а вам какое дело? – Грубо, конечно, получилось в ходе уже завязавшейся оживленной беседы, но Катя просто обиделась – этот долговязый тип обозвал милягу Мещерского «коротышкой»!

– Да так. Он вроде как наезжал на вас там, в паспортном. Я уж подумал, супругник ревнивый. У такой девушки... такой высокой длинноногой девушки и такой потешный Винни-Пух на ножках.

– Всего хорошего. – Катя поднялась. Обсуждать Мещерского с этим наглецом она не намерена.

– Да ладно, погодите... погоди... Раз статьи пишешь, может, с рифмой мне поможешь?

– С чем?

– С рифмой к слову «магнолия». Что-то никак не идет вот уж второй день, а стихи жаль... хорошие вроде получились.

От неожиданности Катя снова села на банкетку. Этот тип, по костюму он на телохранителя похож. Ну да, и тот лысый в блестящем костюме на старого мафиози смахивает – она вспомнила, – он, скорее всего, его босс. А этот «личник»... совсем как Драгоценный со

своим вечным работодателем Чугуновым... Нет, на Драгоценного он ни капли не похож. Все другое – выражение лица, глаз, вся фактура иная, хотя весьма и весьма недурная мужская фактура.

И вот этот «личник», явившись в отдел вневедомственной охраны по неизвестно какому делу... Что-то там Бурлаков говорил... что, он, мол, вызвал владельца здания... хозяина универсама для объяснений ночного инцидента, переполошившего округу... Так вот этот «личник» в коридоре вневедомственной сидит и сочиняет, пишет стихи?

– А вы что, стихи пишете?

– Ага. Да нет... так, балуюсь иногда от нечего делать. Когда время свободное есть. Ну так что с рифмой к слову «магнолия»?

– История, «Астория»...

– «Астория» – это гостиница, «Кастория» – это фабрика шуб в Греции, черт бы ее побрал.

– Монополия... метрополия... Прочтите строфу, как там у вас в контексте...

– Нет, коряво еще, стесняюсь. Надо поработать над текстом.

Катя взглянула на собеседника. Тон прямо как у редактора. А пиджак под мышкой топырится – явно кобура там, скорее всего, пушка, либо травматическая, либо газовая. Вряд ли с самой крутой сюда в милицию приперся, но, видно, и с крутыми умеет обращаться – от «макарова» до «стечкина». Видно... таких сразу видно.

– Ну тогда сложнее. Можно с рифмой поэкспериментировать.

– Как это? – незнакомец придвинулся ближе.

– Ну, например... Цветет в саду магнолия – забыть тебя смогу ли я... Цветет в бреду магнолия...

– В бреду цветет? У меня вообще-то – на Приморском бульваре, там, где волны и чайки... Но каким-то шансоном все отдает. А я тухлый шансон не люблю. Надо же, цветет в бреду... Эх, махнуть бы сейчас в Одессу, девушка, а? Вдвоем?

Катя поднялась – уже окончательно и бесповоротно.

– Удачи вам в стихах.

– Ладно. Принято.

Он тоже встал с банкетки. Высокий мужчина. Кате вспомнился фильм «Люди в черном».

– А зовут меня Марк. Марк Южный.

– Очень приятно.

– Будем знакомы?

– Меня зовут Екатерина. И больше никаких других рифм к слову «магнолия» я подобрать не могу.

– А надобность уже отпала, спасибо, – он улыбнулся.

– Марк, все сидишь? – из кабинета напротив вышел лысый господин в блестящем костюме. – А меня там замучили дурацкими вопросами. Абсолютно дурацкими!

– Все? Едем?

– Да нет, еще к начальнику вневедомственной. – Лысый поморщился. – И все должен я один. А где, спрашивается, Иннокентий? С кем он прохлаждается? Нет, надо матери его срочно звонить!

– Пойдемте, Борис Маврикьевич. Не переживайте, это ж менты. – Марк двинулся вперед в направлении кабинета майора Бурлакова. Оглянулся и подмигнул Кате как старой, своей знакомой.

Глава 9

ТАЛАНТЛИВЫЙ МАЛЫЙ

Загранпаспорт свой Катя так и не получила – начался обеденный перерыв, ждать дольше нет времени. Катя торопилась на работу, потому что с двух часов в следственном управлении областного Главка начинались допросы и очные ставки по уголовному делу, которым Катя давно и плотно интересовалась.

Дело о махинациях с многократной перепродажей строящихся квартир в Люберцах с десятками пострадавших в афере дольщиков занимало первые строчки в уголовной хронике всех информационных агентств вот уже больше недели. Кате как сотруднице Пресс-центра Главка постоянно звонили с радиостанций и разных изданий, требуя, умоляя, прося подбросить какие-то новые факты о ходе расследования. Потому что в связи с этой аферой разразился такой общественный скандал, каких не случалось давно. Дольщики организовали собственный комитет и постоянно грозили акциями перекрытия то федеральных трасс, то железной дороги, требуя вернуть жилплощадь или немалые деньги – по сути, как выяснило следствие, выброшенные на ветер.

В центре скандала стояла владелица риелторской фирмы Ксения Зайцева – именно ей предъявили обвинение в мошенничестве с продажей квартир. Энергичная дама средних лет не была взята под стражу, а находилась под подпиской о невыезде, потому что подписала обязательство уже в ходе следствия постепенно погашать долги фирмы перед обманутыми дольщиками. Но этого «погашения», денег, хватило на одну пятую часть потерпевших, остальным же явно ничего не светило – банковские счета фирмы оказались пусты.

Конечно же, Ксения Зайцева темнила и ловчила, и деньги у нее имелись, причем немалые, но в ходе следствия этот вопрос пока так выяснить и не сумели. Следовательно намеревался провести очные ставки обвиняемой с потерпевшими, возможно, после этого эмоционального прессинга какая-то полезная информация и выплыла бы наружу.

Катя собирала материал по этому делу для будущих публикаций и такого яркого, скандального шоу, как очные ставки, пропустить не могла.

Мещерского она обнаружила внизу, на улице – он, печальный и потерянный, сидел в машине. Сторожил ее.

– Ну что? – спросила Катя. – Утомонился?

– Прости, наговорил чего-то... сам не знаю чего. – Он выскочил и открыл ей дверь. – Садись, куда тебя подвезти?

– На работу.

А куда же еще... Катя утеснилась рядом с ним на пассажирском. Надо же, тот длинный... как его там, Марк? Обозвал милягу Мещерского Винни-Пухом, а сам-то на кого похож... О, таких типов она встречала, они на весь мир смотрят с холодным презрением. На них что-то вроде брони надето – латы и шлем с забралом. И служат они своему хозяину как преторианцы... как римские преторианцы – до определенного времени, пока тот платит, пока тот в силе. А потом первые же своего хозяина и сдают, а порой и приканчивают, если за это им заплатил кто-то более денежный и крутой.

Но надо же – стихи пишет! На банкетке в коридоре, на коленке... Магнолия в бреду... А прочитать не захотел, стесняется... Поди ж ты, у таких еще и чувства не все атрофировались. Стихоплет.

Магнолия... и какая-то еще там другая «магнолия» в Замоскворецком универмаге... тоже полный бред, но, однако, интересно, чертовски интересно, что же все-таки это было... ведь было... Ребята патрульные не лгут, и это не розыгрыш, и старуха правду сказала.

Ой, ладно, все равно теперь ничего не узнаешь. Катя потрянула головой – прочь, прочь, все это че-пу-ха. Достала пудреницу из сумки. Крохотное зеркало: один нос видно и глаз. А там, в универмаге, зеркала от пола до потолка висели когда-то... Поправила волосы – длинные, отросли. Достала заколку и заколола волосы на затылке – вот так лучше, а то в родной Главк с распущенными, как нимфа, что-то не того... Как это ее Драгоценный порой звал – нимфа Кукуйского ручья? Вот и все у него так – даже комплимент с подвохом! Нет, к черту, надо разводиться!

– Катюша, ты подумай еще, я тебя очень прошу.

Мещерский...

– Ладно, Сережа, обещаю тебе. Ну все, приехали, пока, побежала, – Катя чмокнула его в щеку.

Не женишься на мне, говоришь... женишься, как миленький, только пальцем поману тебя в загс... Хорошо живет на свете Винни-Пух, оттого поет он эти песни вслух... Мещерский порозовел.

Катя ворвалась в вестибюль Главка как вихрь, не стала даже лифтом пользоваться, влетела на свой четвертый этаж по мраморной лестнице, открыла дверь в кабинет, кинула сумку, схватила диктофон из ящика – маленький «воровской» диктофон. На всякий случай, хотя записывать что-то без разрешения следователя категорически запрещено. Взяла блокнот – фамилии потерпевших записывать – и, стуча каблучками, заспешила вниз – уже на третий этаж в следственное управление.

Ожидала узреть там полный коридор свидетелей и потерпевших по делу, а сидел там, на стуле сиротливо один какой-то паренек в белых джинсах, белой футболке и сам белобрысый, как альбинос.

Катя глянула на часы – а, вот в чем дело, всего-то половина второго, вся процессуальная компания еще внизу, в бюро пропусков, их только после обеденного перерыва пропустят в здание.

А следователь что, тоже на обеде? Она подошла к двери.

– Простите, они там заняты, – паренек поднял голову.

И точно альбинос – даже ресницы светлые. Кожа нежная, наверное, совсем недавно еще бриться начал. И что такие дети делают в строгих стенах областного Главка?

– Вы свидетель, на допрос?

– Нет, я... там тетя моя, я ее сопровождаю. Вот жду.

Катя приоткрыла дверь: три фигуры – следователь за столом и боком к двери, лицом друг к другу две женщины: одна крупная, рыжеволосая, в брюках и белой рубашке, а вторая... такая расфуфыренная – блондинка с укладкой, в летнем шелковом пальто от Кензо.

– Сволочь такая! Ты что мне тут плетешь? Я перед тобой сижу, в глаза тебе смотрю, сволочь, а ты что мне все врешь? Когда я деньги привезла, все оплатила через банк, ты что мне сказала, гадина такая?! Ты что обещала?

Рыжеволосая, сжав кулаки, сорвалась со стула и...

Следователь – такой же маленький ростом, как Мещерский, вскочил и, растопырив руки, как рефери на боксерском ринге, вклинился между нею и блондинкой в цветастом пальто – Ксенией Зайцевой, обвиняемой.

– Тихо, тихо, тихо, дамы! Тут официальное учреждение, а вы вызваны для дачи правдивых показаний...

– Сволочь, я тебе сейчас всю твою крашеную морду...

– Ну все, все, все... тихо, я сказал! Успокойтесь, сядьте на место!

Куда там тихо!

Рыжеволосая дама попыталась ударить Ксению Зайцеву, локтем отпихнула хлипкого следователя и...

– Эй, кто-нибудь, черт, конвой... охрана...

Ну, какой в чинном следственном управлении в отделе по расследованию экономических преступлений конвой?

Катя и белесый паренек – это все, кто могли прийти на помощь, разнимать женскую драку. И они не раздумывали.

– Прекратите, успокойтесь!

– Тетя Ева, держи себя в руках. Ты что?

– Убью тебя, сволочь!

– Уберите от меня эту ненормальную, она мне всю щеку расцарапала!

Рыжеволосая бешено сверкала глазами, пока Катя и паренек пытались вытолкать ее за дверь. Ксения Зайцева, уронив на пол модную сумку «Гуччи», истошно визжала, размазывая по нарумяненной щеке капли крови – на скуле у нее алела свежая царапина от ногтей рыжеволосой.

– Успокойтесь, пожалуйста! – Катя чувствовала, что с этой дылдой ей не справиться.

– Тетя Ева! *Все, это все, слышишь меня?*

Белесый паренек произнес это как-то так... не громко, нет, но таким тоном... словно гвоздь вогнали в бетонную стену с одного удара молотком. И... рыжеволосая обмякла, сникла.

Она села на стул в углу кабинета. Откинулась на спинку, лицо ее стало бледным, но та гримаса бешенства, так исказившая, изуродовавшая ее в общем-то весьма привлекательное лицо, прошла, исчезла, словно ее стерли невидимой губкой.

– Выйди в коридор, успокойся.

Паренек произнес это уже мягче, но с теми же повелительными нотками.

– Н-нет... все, уже прошло... Феликс, ступай отсюда, я сама справлюсь, – рыжеволосая поднесла руку ко лбу.

Следователь переглянулся с Катей: видишь, какие дела творятся на очных ставках? А ты за комментариями явилась для прессы, нет уж, лучше в другой раз. А то эти две львицы точно нас тут всех в клочья порвут.

Пауза.

– Ну что же, продолжим очную ставку, – следователь кашлянул. – Вопрос к вам, обвиняемая Зайцева: в каких объемах строительства...

Катя открыла дверь кабинета и пропустила вперед себя в коридор паренька по имени Феликс. Да, тут сегодня особо не поживишься сведениями, атмосфера накалена до предела, и лишние люди тут ни к чему.

– Взрывная у вас тетка, – не удержалась она от замечаний. – Что, много денег потеряли на этой квартирной афере?

– Все, что она вложила, – Феликс произнес это спокойно. – Ее надо извинить, вообще-то она не такая.

– Да, конечно, но ей следует все же сдерживать себя. Или не знаю что – валерьянку пить, впереди по делу много еще чего предстоит, если она так каждый раз станет реагировать. А потом ведь еще суд.

– Да, я знаю, потому и провожаю ее сюда к вам. А вы следователь?

Надо же, и этот юноша тоже интересуется ее профессией!

– Нет, я не следователь.

– Я так и подумал. Для вас такая работа не подходит.

Видишь меня две минуты и уже выводы делаешь... мальчишка...

– Пять дней уже прошло, а они так ничего и не нашли – ни трактора, ни бетономешалки!

– Да мы ищем, розыск идет полным ходом!

Дверь кабинета напротив с грохотом распахнулась, и оттуда выкатились нервные и раздраженные до предела лейтенант Марушкин из отдела по борьбе с хищениями на транспорте и громогласный потерпевший – по виду не шофер, а руководитель среднего звена – явно из какого-то автохозяйства или стройки.

– Да какого хрена вы ищите? – восклицал он. – Ночью поставили на стоянку, утром пришли – нет техники. Это ж габариты какие! Трактор угнали и бетономешалку! Куда их спрятать-то могли? В нашей округе? Да там каждая собака эту технику знает, а далеко они уехать не могли!

– Потому что бензина оставалось мало.

Пауза. Катя, лейтенант из транспортного отдела и сердитый потерпевший воззрились на Феликса, который выдал это очень просто, как само собой разумеющееся.

– Малый, ты чего это? – спросил потерпевший.

– Трактор желтый, «Беларусь»? Бетономешалка оранжевая такая... фирма немецкая «Крауф»?

– Ну да, откуда ты знаешь? Ты что, видел, как их угоняли ночью?

– Нет, я не видел, как их угоняли... я сейчас... я представил, когда вы... там стройка, новые дома высотные... дорога, много транспорта...

– Варшавское шоссе, – сказал озадаченно потерпевший.

– Указатель синий... там написано... Ка... Каракашово.

Катя увидела, как на лице странного паренька по имени Феликс выступают прозрачные капли пота.

– Ну да, поворот с Южного Бутова туда к нам, и стоянка строительной техники сразу справа на въезде. Там сторож, и собака у него, – потерпевший развел руками, – вот такая псина, а угнали технику – даже не гавкнула.

– Сторож... вы спросите его, он сказал вам неправду, он с ними заодно, – Феликс вздохнул как-то со всхлипом, поднес пальцы к вискам.

И Катя... она как-то сразу разочаровалась. Ну, конечно, фокус, малый дурачит их тут в коридоре. И там, в кабинете Бурлакова, патрульные тоже дурачились, прикалывались. Шутники... Естественно, раз угнали такую внушительную технику со стоянки и сторож якобы «ничего не слышал и не видел», первая же версия, что возникает: он сам причастен к краже.

– Слушай, а ты это... напрягись, – верзила-потерпевший наклонился и заглянул в лицо Феликса, – может, это... узнаешь, где они сейчас – трактор и бетономешалка наша, а? И точно, бензина-то в баках с гулькин нос. Далеко-то уехать не смогли.

– Бетонная дорога в лесу...

– Есть у нас там бетонка.

– Железный забор... большая территория огорожена, – Феликс закрыл глаза. – У ворот новый асфальт. Напротив двухэтажные дома... новые – это через пустырь.

– Кондоминиум! Это ж новостройка в Харьине, эти, как их... таунхаусы... кондоминиум... тьфу, и не выговоришь! Ну, парень, давай, есть такое дело, я на тебя надеюсь, давай!

Потерпевший, кажется, поверил в фокус. Катя переглянулась с лейтенантом Марушкиным. Странно, тот слушал всю эту чепуху тоже очень заинтересованно.

– Железный забор... напротив двухэтажные дома – новые. Техника там, на участке.

Феликс посмотрел на них.

– Ну? – потерпевший обернулся к лейтенанту. – И чего ж вы столбом стоите, молодой человек, бездействуете?

– А что я должен, по-вашему, делать?

– Звоните! При мне прямо сейчас звоните туда в отделение. Пацан же сказал – техника там! Пусть едут и проверят на месте.

Потерпевший поверил. Катя подумала: ну и день сегодня, надо же. Одновременно прислушалась – как там у следователя очная ставка? Тетки снова не подрались?

Нет, тихо.

Лейтенант Марушкин, как-то криво усмехнувшись, достал мобильный и позвонил в отделение милиции. Объяснил, однако же, толково – новостройка таунхаусов в районе Харьина, ориентировочно – участок за железным забором, установить владельца и проверить – немедленно доложить о результатах.

– Ладно, подождем, – потерпевший сел на стул рядом с Феликсом. – Слушай, парень, а ты вообще-то кто? Экстрасенс?

– Я студент... то есть будущий студент, только поступил, – Феликс достал бумажный носовой платок и вытер лицо.

Катя... собственно, ей следовало возвращаться к себе в Пресс-центр. И дожидаться, когда очная ставка там, в кабинете следователя, закончится и начнутся новые допросы и очные ставки. И тогда она вернется сюда, со своим блокнотом и спрятанным в кармане диктофоном. А пока... Но черт, ведь это ж так интересно – найдут они бетономешалку и трактор там, где указал этот юный альбинос?

Естественно, никто ничего там не найдет, это просто фокус.

– Да, я, Марушкин, – мобильный лейтенант завибрировал возбужденно. – Там, прямо на месте? У ворот? С поличным взяли?

Он обернулся к Феликсу и потерпевшему.

– Надо же... наши с отделения только туда подъехали в Харьино, а они... трое их, они как раз выезжали, ворота открыли – перегоняли трактор и бетономешалку... Получается, что с поличным... с техникой. Их уже везут в отделение.

– А бетономешалка наша? Что же это я тут сижу, – потерпевший обеими руками схватил руку Феликса и энергично начал трясти. – Ну парень, ну голова... спасибо, от меня, от всей нашей фирмы... Ну голова у тебя – компьютер... Слушай, вот моя визитка, тут телефон – звони в любое время, если что надо с ремонтом помочь – на даче, дома, бригаду пришлю мастеров, все тебе сделаем бесплатно...

– Как ты это сделал? – спросил лейтенант Марушкин Феликса. – Я не понимаю. Как? Только без дураков. Ты что, знал?

– Я не знал. Просто увидел сейчас. У меня получилось. Иногда получается. Не всегда. Вот сейчас получилось.

– Но как ты это сделал?

– Я не знаю, – Феликс произнес это как-то жалобно, совсем по-детски. – Это все само по себе приходит. А потом исчезает. И появляется вновь.

– Слушай, подожди, ну-ка зайди ко мне, надо поговорить, – Марушкин не собирался вот так просто отпускать своего неожиданного помощника. – Ты это... расскажи поподробнее... Твоя как фамилия?

– Комаровский Феликс.

– Слушай, чаю горячего хочешь, Феликс? Или, может, кофейку?

И лейтенант буквально умыкнул паренька к себе в кабинет. А Катя... и тут опять она лишняя! Закрытые двери. Время без десяти два, а столько всего уже случилось.

Из кабинета следователя вышла рыжеволосая потерпевшая. Та самая «тетя Ева». И, судя по ее виду, никто не догадался бы, что всего полчаса назад она пыталась там, в кабинете, доказать свою правоту обвиняемой Ксении Зайцевой на кулаках.

Только пятна румянца на бледных щеках горят. И рыжие волосы слегка растрепаны, но и это ей идет.

– Феликс! Да где же он? Мой племянник.

– Он с оперативниками разговаривает, – сказала Катя.

– Мой племянник? Мой мальчик?

– Да не волнуйтесь вы, он им прямо сейчас на моих глазах угнанные машины отыскать помог. Так просто – закрыл глаза, а потом выдал, где их можно найти. И все оказалось правдой.

– А он никогда не лжет. Не приучен, – рыжеволосая Ева пошарила в сумке, достала сигареты. – Здесь можно курить? А то там, в кабинете, сказали, что пожарная сигнализация.

– Тут тоже сигнализация, датчики дыма. Но в туалете женском есть курилка.

– Вы извините меня, что я... одним словом, непростительно так распускаться. Но я не выдержала, когда увидела ее... Золотые горы ведь обещала, «зимой сразу после Нового года дом будет полностью готов к вселению». Сейчас уже лето, и у нас ни денег, ни квартир. – Ева сунула в рот незажженную сигарету и начала жевать ее. – А у нее – видели, все пальцы в бриллиантах и сумка на три тысячи евро тянет. Ксюха Зайцева... а ведь мне ее порекомендовали... И надо же – обманула! Так кинуть нас... И главное, деньги не мои, это же его, мальчика, деньги, сколько лет для него копили.

– Надо постараться выдержать все это. Много сил потребуется, – Кате стало искренне жаль эту скандалистку. – Следствие еще не закончено, а впереди суд. Вам много раз еще придется встречаться с Ксенией Зайцевой.

Рыжеволосая Ева кивнула. И, забыв о предупреждении, о датчиках дыма, поднесла к сигарете зажигалку.

Глава 10

ОТЪЯВЛЕННЫЙ ШОПОГОЛИК

Только истинный безбашенный шопоголик мог отправиться в магазин за покупками после всего, что случилось с ним в этот день.

Ксения Петровна Зайцева – крашеная блондинка тридцати восьми лет, бездетная, разведенная, владелица риелторской фирмы «Юнона», обвиняемая по уголовному делу, находящаяся под подпиской о невыезде – после изнурительных допросов и очных ставок в восьмом часу вечера, умывшись в туалете, причесавшись и наложив на расцарапанную в драке с потерпевшей Евой Комаровской скулу слой тонального крема, покинула стены Главка и отправилась домой.

Она жила на Варшавском шоссе, снимала «двушку» в доме завода ЗИЛ у железнодорожного моста. Грохот поездов, но это ж Москва, все лучше, чем за МКАД, где ее фирма «Юнона» продавала липовые квартиры.

После таких передрыг, как допросы и очные ставки с разгневанными потерпевшими, лишившимися денег, другой бы на месте Ксении Зайцевой приполз домой на карачках разбитой клячей, хватил бы стакан коньяка на кухне вместо успокоительного и бухнулся спать.

Но Ксению Зайцеву бог замесил из иного теста, чем прочих. Возможно, поэтому, как она считала, ей все в жизни удавалось довольно легко. Вот и это уголовное дело, ну что там – промурыжат полгода, потом передадут дело в суд, она уже консультировалась с адвокатом. Конечно, крупный ущерб причинен мошенническими действиями, но дадут ей от силы лет пять, и то условно, потому что раньше она не судима, имеет отличные характеристики и вообще – женщина. Кое-что всем этим скандалистам-дольщикам она, возможно, выплатит в процессе следствия, чтобы на суде это сразу зачлось, а потом... потом выплаты улетучатся, потому что счета фирмы «Юнона» пусты, а насчет конфискации личного имущества никто не заикнется.

И это очень правильно, что она не стала покупать себе недвижимость здесь, это очень даже предусмотрительно. Ее дом на Кипре... сколько же бабок она в него вложила, почти все... Зато какой дом, вилла у моря... И счета все ее там, так что... После суда она поотмечается месячишко, чтобы не думали, что подалась в бега, а потом тихо исчезнет – сначала на Украину в Киев, а потом через Прагу самолетом...

И заживет счастливо, откроет новую фирму уже на Кипре и... как знать, заведет себе любовника-грека, ненасытного в постели.

Все это весьма спокойно и практично Ксения Зайцева обдумывала в такси по дороге домой на Варшавку.

Скула под слоем пудры саднила, надо обработать дома борной... Нет, ну надо же, мерзавка какая, прямо бешеная – полоснула ногтями...

«Ничего не верну этой истеричке, – решила Ксения Зайцева, – ни бакса от меня не дождется».

Такси обогнало троллейбус, тормозивший у остановки перед Замоскворецким универмагом.

Ксения Зайцева вспомнила, что в этом универмаге отличный парфюмерный отдел на первом этаже. Глянула на часы – до закрытия еще полчаса, она успеет. И потом там, наверху – то ли на втором, то ли на третьем этаже, – отдел постельного белья и тканей для штор и портьер. Она помнит, она заходила, очень хороший ассортимент, и совсем не так дорого, как, например, в бутиках на Петровке.

Нет, но сначала парфюм... Тот новый аромат у «Баленсиага»... Это что-то... А у «Кензо» вся новая летняя линия такой свежестью наполнена...

Ксения Зайцева попросила остановить такси, расплатилась и вышла. Сразу же сняла шелковое пальто – вечер такой душный, в торговом зале, несмотря на кондиционеры, взмокнешь.

Витрины универмага полны света, только вот дизайн какой-то чудной. Это старое пианино, зачем оно на витрине? Все выпендриваются, хотят покупателей завлечь. А покупателей что-то маловато. Вечер буднего дня, всем работягам, всем офисным крысам уже ни до чего – домой, домой... Вон целый хвост машин уже выстраивается на Варшавку по Александровской улице.

Сумерки...

Чувствуя во всем теле тяжелую усталость, Ксения Зайцева поднялась по гранитным ступенькам. Это всего лишь минутная слабость, сейчас все пройдет – там в магазине... Больше всего на свете она любила приобретать вещи – любые, от дома на Кипре до флакона духов. Она и деньги-то в общем зарабатывала... воровала для этого – чтобы потом покупать себе вещи: модную одежду, шубы, бриллиантовые кольца, новую машину, сумки.

Да, там у следователя ее измочалили как тряпку половую своими вопросами. И она даже пострадала в потасовке. Но это ничего, это заживет как на собаке. Вот сейчас она войдет в парфюмерный отдел, и сразу же все встанет на свои привычные места.

Парфюм, вещи... шелковое постельное белье...

Раздвижные двери универмага открылись, и она шагнула внутрь – преображенная и почти что счастливая.

Двери захлопнулись – словно стеклянные челюсти сомкнулись. И никто не услышал ни хруста костей, ни крика.

Глава 11

ЗМЕИНАЯ КОЖА

Иннокентий Краузе, сын Ольги Аркадьевны и муж Василисы, остановил машину на темной улице.

Центр, по ночам здесь пусто и тихо, все переулки, знакомые с детства, все тупики свободны от машин. И проходные дворы...

Здесь когда-то давно, очень давно, они гуляли с пацанами, бегали, играли. И все проходные дворы в этом районе он знает, не забыл.

Один ночью... без матери, без жены...

К черту, все к черту...

Он осторожно закрыл дверь своего «БМВ». Подарок матери к годовщине свадьбы. Мать машину им подарила, а Василису она терпеть не может. И тем не менее делает ей постоянно презенты – то браслет, то кольцо.

А Василиса мать ненавидит.

И он... он, Иннокентий, между ними двумя как...

«Эй, Кешка, мяч подавай, не зевай!» – так орал Филимонов из восьмого класса. Вот в этом дворе... да в этом стояла зимой деревянная «коробка», и пацаны гоняли в хоккей, а летом тут же делали волейбольную площадку, и они, пацаны... Нет, он в общем-то не играл во все эти игры. У него постоянно что-то болело в детстве – то ухо, то горло. И мать запрещала ему бегать, чтобы не вспотел. Он стоял всегда там, за бортом деревянной коробки, и когда мяч улета, пацаны кричали ему: «Кешка, сгоняй!»

Тут это место, где он всегда торчал... Тут, за бортом...

А сейчас... видели бы они, эти недоноски. Видели бы его за рулем «БМВ» последней модели, видели бы его на лужайке перед их домом на Рублевском шоссе, видели бы его в салоне самолета, когда он летит первым классом SAS в Стокгольм. Видели бы его, когда он берет за руку свою жену, красавицу Василису, и зарывается лицом в ее душистые волосы...

Но некому видеть. Филимонов пропал дуриком по пьянке – угодил под электричку, а другие... А старшие... Да он и не помнит никого. Нет, среди старших был один... как его звали? Матвей... ну да, они звали его Поляк... Он иногда приходил посмотреть, как они играли в волейбол. Тут всегда ошивалось много детей, а он приходил – не часто, после работы. Он и обретался тут недалеко. И Кешка порой, когда забегал в магазин к матери по дороге из школы, замечал... Нет, сейчас уже и не вспомнить, как давно это было, тридцать лет назад. Какие-то смутные фрагменты... Желтое такси в «шашечку» у «генеральского» дома – вон там, только через двор пройти и через арку со стороны Мытной... Да, желтое «такси», и Матвей Поляк почтительно выводит из подъезда какую-то старуху в норковой шубе и усаживает в машину.

Мать потом говорила, что эта старуха... эта скрюченная карга – бывшая первая красавица Москвы, любовница маршала Иллиодора Хвостова.

Какие же они все... суки.

И как быстро стареют. Из нежных жемчужин обращаясь в пыль, в жидкое дерьмо.

Но прежде мотают нервы, ломают ваш хребет и высасывают всю душу.

Сморщенная ведьма в норковой шубе... «Кешка, давай сгоняй!» – это все, что он помнит из своего детства? Неужели это все?

Мать...

Всегда и везде только она одна.

И теперь еще жена... само совершенство...

Мать любит его.

А жена... с Василисой все сложнее. Но она верна ему.

А он? Что же он? Ему уже за сорок. Что же он?

Он любит мать.

И любит жену.

И ненавидит их обеих.

Иннокентий Краузе рванул вниз тугой узел галстука. Ночь, он приехал сюда ночью прямо из офиса Шеина один. И никто не знает, где он. Он выключил свой мобильный.

Наверное, они обе потом подумают, что он снова пьян. Но нет, в этот раз он не выпил ни капли.

Он медленно побрел прочь от машины – через двор. Этот двор сквозной, и выходит он на Александровскую улицу.

В окнах квартир гаснет свет. Тополя как часовые. Душная летняя ночь.

Среди всей этой суеты, этой жизни, среди богатства и праздности, мечась из стороны в сторону, страдая, как в капкане, между матерью и женой, как же трудно сохранить себя, остаться самим собой.

Кто знает его лучше, чем он сам?

Мать?

Василиса?

А ту старуху... бывшую любовницу маршала, потом нашли мертвой в ее собственной квартире. Ее задушили капроновым чулком...

Как же давно это случилось. А тут, в этих переулках, в этих дворах и тупиках, ничего не меняется. Те же стены, те же дома, тополя.

Лунный свет...

Иннокентий Краузе поднял голову. Луна, как желтый волейбольный мяч, висела в черном треугольнике неба между высокими домами, прямо у него над головой.

И лунный свет... Пряный, пьянящий... казалось, его можно пить через соломинку, как коктейль в баре клуба «Сохо». Он вдохнул полной грудью.

И что-то внутри словно треснуло, открылось, отслаиваясь кусками, прорастая, созревая, как новая кожа. Змеиная кожа – яркая, исполненная причудливыми узорами, которых до поры до времени никто, никто не созерцал.

Иннокентий Краузе сорвал с себя галстук, скомкал его и сунул в карман. Темная громада здания высилась там, впереди. Со стороны безлюдного двора ее пока что закрывали тополя. Но он знал, что этот двор сквозной, помнил это всегда, с самого детства.

Глава 12

ОТДЕЛ ПОСТЕЛЬНОГО БЕЛЬЯ «ВСЕ ДЛЯ ВАШЕЙ СПАЛЬНИ»

Этим летом Катя начала просыпаться очень рано. На работу к девяти, а на часах всего половина шестого. Балконная дверь открыта – со стороны Москвы-реки, Фрунзенской набережной, где стоит ее дом, слабый свежий ветер. Птицы поют там, за рекой, в Нескучном саду. Небо прозрачное, а потом станет мутным, вылиняв от зноя.

Что ж, в принципе к одиночеству не привыкать. Это как корь, как ветрянка, раз переболеешь – и уже иммунитет на всю жизнь. И если уж вставать в такую рань, то можно делать все не спеша.

Катя сидела перед зеркалом и расчесывала волосы. Длинные, опять отросли. Может, взять и отрезать? Сделать забавную мальчишескую стрижку... Но нет, отчего-то жаль. Он так любил смотреть, когда она вынимала заколку и волосы рассыпались по плечам.

И всего-то две встречи, две ночи...

Не наш... чужой... Явился как вор... как враг...

С той стороны...

Ямка на подбородке, серебряная цепочка, брелок...

Sorry me...

И вся прошлая жизнь сразу... И дом, и муж – Драгоценный и друг детства Мещерский... все как-то сразу на одной стороне, а она на другой.

И Драгоценный, конечно же, прав, что уехал и не возвращается.

А тот, другой... чужой...

Какая же тоска на сердце...

Наверное, не увидимся мы больше никогда.

А вдруг?

И вот теперь сидишь утром в пустой квартире и смотришь на себя со стороны.

И ничего, ничего, ничего про себя не знаешь.

Кто бы объяснил, подсказал?

Катя отложила массажную щетку, запахнула халат и пошла на кухню включать кофеварку.

Ничего, вот сейчас она приедет на работу и сразу же... чтобы мысли в голову больные не лезли, отправится к полковнику Гущину – доброму старому громогласному лысому полковнику Гущину – начальнику управления областного уголовного розыска. И узнает все новости, даже те, что в сводку происшествий не попадают.

А если ничего не случится интересного, то она снова займется делом Ксении Зайцевой о мошенничестве с квартирами. Там у следователя работа кипит каждый день.

Интересно, как там мальчишка Феликс? Его вчера надолго задержали в розыске. Повели его потом к начальнику транспортного отдела. Неужели правда поверили в эти его странные способности? Но он же действительно нашел угнанные машины... Вот и пойми-разберись. Его рыжая тетка Ева вчера с собаками разыскивала его по всем этажам, снова психовала.

Ну, если розыск возьмет малыша в оборот со всеми этими его причудливыми экстра-сенсорными способностями, только она его и видела.

Отчего-то в это утро Катя оделась особенно тщательно. Извлекла из недр шкафа новое платье. Опять короткие в моде, и это хорошо, но не мешало бы подзагореть, не на пляже, так хоть в солярии, что ли, надо бы записаться.

И даже можно надеть вот этот браслет. К летнему белому платьишку он очень даже ничего, стильный.

А босоножки на каблуках в это утро Катя оставила дома, выбрала новые легкие кожаные сандалии. При росте больше ста семидесяти пяти это вообще-то в самый раз, но она обожает каблуки – чем выше, тем лучше. И обожает смотреть на себя в зеркала и во все отражающие поверхности. И это, конечно же, с детства... С того дня, когда они с нянькой шли мимо Замоскворецкого мосторга, и катил синий троллейбус, и было еще совсем не страшно. Пока не страшно.

И вот чудо, едва лишь выходишь из дома, спускаешься на лифте, покидая впавшую в летаргию пустую квартиру, и энергия откуда-то берется!

Потому что у нее такая работа – не знаешь, чего ждать, замираешь от любопытства. Вот сейчас... явишься, а тебя ка-а-ак огорошат...

Нет, не банальщина – вроде краж, разбоев и бытовухи на почве пьянства, этого всегда полно, и это совсем не интересно, хотя порой и трагично. Но случаются иногда такие, такие дела... И сразу все уходит куда-то прочь.

И даже от того, что Драгоценный совсем не звонит, – не больно.

И то, что с тем, другим, они уже, наверное, никогда больше не встретятся в этой жизни, – тоже не больно.

– Федор Матвеевич! – Катя энергично окликнула полковника Гущина, приметив его в вестибюле Главка. – Доброе утро! Вы куда это спозаранку?

– А, не успел даже чаю стакан допить, – Гущин что-то осип, – сдернули. Привет, Екатерина, все цветешь?

– Стараюсь, Федор Матвеевич, – Кате и в голову не приходило кокетничать со «стариком» Гущиным. – А что случилось?

– Убийство, что еще может у нас случиться, – Гущин притворно зевнул. – Территория не наша, Москвы. А вот труп, кажется, наш.

– Как это? – Катя сразу заинтересовалась. – А далеко ехать?

– Да нет, тут рядом, в центре. Елистратов вот звонил, просил прибыть, посмотреть.

Елистратов – начальник отдела убийств МУРа, с Гущиным они старые товарищи, однокашники даже. Катя уже совсем сгорала от любопытства. Так просто в начале рабочего дня, когда совещания и оперативки, разносы и нагоняи подчиненным, начальник убийного отдела МУРа не станет звонить начальнику областного розыска, с места срывать. Тут что-то особенное.

– А возьмите меня с собой, – Катя решила брать наглостью.

– А тебе что, нечем заняться?

– Вчера делом Зайцевой заняться хотела... это в отделе экономических в следственном управлении... А там скандал на очной ставке вышел, фигурантки подрались. Пришлось отложить, так что...

– Зайцевой? – переспросил Гущин. – Это та, что с квартирами химичила? Она? Ну-ка садись в машину. И что там вышло на очной ставке, давай рассказывай.

И Катя всю дорогу трещала как сорока, представляя в лицах полковнику Гущину вчерашний инцидент.

И за дорогой не следила – Москва – пробки.

Закрыла рот, только когда служебная машина остановилась на углу жилого серого дома на какой-то улице. А дальше – милицейский патруль, машины с мигалками, ограждение, толпа зевак и...

– О господи, а что это за здание?

– Замоскворецкий универмаг, – ответил полковник Гущин.

Катя посмотрела вверх. Дом с витринами – пять этажей, стены цвета кофе с молоком, выпуклый, закругленный фасад – плавные линии, раздвижные двери.

Тогда здесь двери тоже были из стекла, но открывались и закрывались самими посетителями универмага. Двери из стекла, как и та на балконе...

Нет, то все забыто, напрочь забыто.

– Надо же, только вчера об этом универмаге речь у нас заходила, – Катя внезапно заметила, что и полковник Гущин как-то странно медлит возле гранитных ступеней. – А я однажды совсем маленькой с нянькой здесь... Как же давно я сюда не приходила, в эту часть города.

– А я тридцать лет назад стоял вот тут, на этом самом месте... в оцеплении... Даже день точно помню. Да, бежит время.

– Федор Матвеевич, а кого убили? – спросила Катя. – Тут опять только оцепление, патрульные. А где же Петровка вся? Елистратов, сотрудники, эксперты?

– Там, внутри, – Гущин сделал то, чего не делал никогда – ни до, ни после: крепко взял Катю за руку.

И они вместе поднялись по гранитным ступеням к раздвижным прозрачным дверям.

Бом! Бо-о-ом!

Звук боя часов – размеренный и мелодичный. Сразу направо от входа в просторный светлый торговый зал первого этажа – большой парфюмерный отдел и рядом – в глубине отдел по продаже часов.

Бом!

Настенные, напольные – в корпусе из хромированного металла и мореного дуба часы начали отбивать время – все разное и не в унисон, а словно вторя друг другу, стремясь догнать, наверстать упущенное.

– Прекратите эту какофонию! Работать невозможно!

Катя услышала резкий голос полковника Елистратова – начальника отдела убийств МУРа. Низенький и полный, похожий на пингвина, без пиджака по случаю жары, он стоял в самом центре зала рядом со следователем прокуратуры и экспертами, снимающими все происходящее на видеокамеру. Сотрудники милиции рассредоточились по залу, и среди вновь прибывших Катя увидела начальника отдела вневедомственной охраны и рядом с ним майора Бурлакова.

– Никаких сигналов к нам на пульт в течение ночи не поступало, патруль дважды объезжал периметр охраняемой территории, ничего подозрительного. Проникновения в здание извне нет, – Бурлаков докладывал следователю прокуратуры.

– Я не понимаю, как же тогда... как же он покинул здание, – следователь обернулся к Елистратову.

Тот, не отвечая пока, подозвал старшего опергруппы.

– Все тут обыскать сверху донизу. И что там с опросом персонала?

А потом Елистратов подошел к полковнику Гущину.

– И где же? – спросил тот вместо приветствия.

– На втором этаже, в отделе постельного белья. Сам посмотри сначала.

Бом-м-м!

Часы ударили в последний раз и умолкли. И стало слышно только голоса людей, но и они в этих старых толстых стенах звучали приглушенно.

Катя огляделась. Собственно, тут она впервые, тогда ведь она сюда так и не зашла... или нет, все-таки они с нянькой зашли, несмотря на ее, Катин, плач.

Девочка, да что же ты так кричишь, нечего бояться, это же просто магазин...

И пол тут прежний – из серого мрамора, и лестница... Полированные дубовые перила. А вот зеркал почти нет в торговом зале, все стены забраны пластиковыми современными панелями, и все пространство очень грамотно и функционально разграничено.

Парфюмерный отдел.

Отдел по продаже часов.

Отдел бижутерии и фирменных очков от солнца.

Отдел по продаже хрусталя и фарфора.

– Мне нужен подробный поэтажный план универмага, – объявил полковник Елистратов.

Они с Гуциным слышали это уже на лестнице.

Второй этаж.

– А потолки тут прежде высокие были. Или мне по молодости тогда так казалось? А сейчас что-то давят... ну да, подвесные сделали. Все-таки новшеств много, – Гуцин прищурился. – Тогда меня сюда не пустили. Но потом я заходил, и даже часто какое-то время.

О чем это он?

– Дело у нас сразу Петровка забрала, а потом министерство. Я-то в пятнадцатом отделении тогда работал, только пришел, мой первый год после «Вышки». Так что это наша территория, пятнадцатого... Все продолжения тогда ждали. А его не последовало.

О чем он?

Катя видела перед собой обычный торговый зал самого обычного универмага – не слишком яркий свет, кремовые потолки и перегородки и большой отдел по продаже женской одежды. Слева – отдел игрушек (вот странность), а справа пышно и довольно посредственно декорированный отдел по продаже тканей, штор, пледов и постельного белья.

Стеллажи с комплектами пододеяльников и простыней, диванные подушки. Тяжелые занавеси, прикрывающие заднюю стену, большой выбор штор и гардин, вывешенных от пола до потолка на кронштейнах и посреди всего зала...

Двухспальная кровать, убранная покрывалом и пестрыми подушками.

Тело лежало поперек кровати. Голые ноги – одна все еще в туфле, вторая босая, свесившиеся до пола руки и растрепанные светлые волосы.

У самой кровати на полу скомканное летнее пальто.

Катя сразу его узнала – шелк весь в цветах и драконах.

В цветах и драконах...

– Ну, что, знакома она тебе? – спросил Гуцин. – Я-то ее не видел живой. Только слышал – скольких эта баба облапошила.

Как много на кровати лишних подушек...

В этот момент один из экспертов (они занимались своей работой) осторожно повернул лежавшее ничком тело.

Ее лицо...

Катя невольно отвернулась.

Багровое, с густо, жутко размалеванным от уха до уха алой помадой ртом, сведенным судорогой.

Ксению Зайцеву, обвиняемую по делу о мошенничестве, которую она, Катя, и видела-то вчера практически мельком в кабинете следователя, было очень трудно узнать. Но Катя узнала ее сразу.

– Ее задушили, – сказал эксперт. – Смерть наступила более двенадцати часов назад.

Гуцин наклонился над трупом.

– Нет, это не руками, – сказал он.

– Да, судя по всему, использован какой-то предмет – возможно, шнур от портьер – тут их вон сколько, на выбор, возможно, галстук или еще что-то.

– Не нашли?

– Пока нет.

– Как считаете, здесь все и произошло, прямо на этой кровати? – Гущин дотошно осматривал покрывало.

– Нет, точно не здесь. Нижнее белье, трусы испачканы... ну это обычно при удушении. А на покрывале и постельных принадлежностях следов экскрементов нет. Все изыщем для экспертизы, потом скажем точнее.

Гущин обошел кровать.

– Задушили, притащили, уложили. М-да... а губная помада ее?

Другой эксперт в резиновых перчатках открыл сумку. И ее тоже Катя узнала – фирменная, очень дорогая.

– Водительское удостоверение на имя Ксении Зайцевой, ключи...

– Машина ее где? Обнаружили?

– Пробили по банку данных, у нее нет машины, продала месяц назад.

– Продала, значит, умно, – Гущин хмыкнул. – На ней же ущерб колоссальный висит... висел... Так что с помадой?

– В косметичке помады нет.

– Ищите здесь.

– Почему у нее с лицом это сделано? – спросила Катя. – Такая мерзость... словно клоун жуткий... Убил и еще издевался над ней?

Гущин пристально смотрел на постель.

– Вот он, тюбик, закатился, – эксперт поднялся.

В руках, обтянутых резиновыми перчатками, он осторожно держал тюбик помады – алая, она вся почти была израсходована, стесана.

– Отпечатки есть! Сейчас снимем.

– Где тут зеркало в отделе? – внезапно спросил Гущин.

– В этом отделе никаких зеркал.

– Должно быть обязательно в соседнем, в отделе одежды, – сказала Катя. – В примерочной.

Гущин двинулся туда. Что-то с ним было не так – со «стариком» Гущиным, и Катя видела это – здесь, на месте убийства. Он выезжал на десятки дел за свою долгую службу в розыске, но что-то произошло с ним сейчас, прямо сейчас...

– Федор Матвеевич!

– Ищи примерочные.

– Вот одна, – Катя отодвинула темную шторку.

– Зеркало?

– Ну да, самое обычное зеркало. А что? Что мы ищем?

– Посмотри в другой, той, что рядом.

Катя шагнула, отодвинула еще одну шторку и...

– Ну вот. Вот мы и приплыли, – сказал Гущин за ее спиной.

На зеркале примерочной алой помадой размашисто и коряво... буквы на стекле словно кровоточили.

Я здесь. Я вернулся.

Глава 13

ЧТО ЗНАЧИТ «ПРИПЫЛИ»?

Поверхность зеркала в примерочной обработал эксперт, обычная процедура. Тело осматривали очень долго и тщательно, судмедэксперт вместе со следователем прокуратуры поворачивал его несколько раз, искали малейшие улики, брали на экспертизу все, что можно изъять.

Катя наблюдала за всем этим процессом – а вдруг еще что-то обнаружится? Тайком она включила в сумке свой маленький «воровской» диктофон, запишется все, а то потом не вспомнится в суде.

Вот только жаль, что та фраза Гущина в примерочной осталась вне записи. Тон у него какой-то... стоило, стоило после на досуге у себя в Пресс-центре поточнее вслушаться в его интонацию.

Есть такие дела, где вся соль именно в интонации...

Но что значит это гущинское «припыли»? Он профессионал до мозга костей, тридцать лет в розыске. Но все равно так не бывает. Приехав сюда в универмаг, он... вот тут на втором этаже он словно уже точно знал или догадался, что надо искать.

Эта мазня помадой на зеркале...

По лестнице подняли носилки с черным пластиковым мешком. Тело обвиняемой по делу о мошенничестве с квартирами Ксении Зайцевой погрузили, закрыли «молнию» траурного мешка-савана и повезли к грузовому лифту – в противоположный конец этажа.

Вот и все.

Все?

И опять Катя увидела майора Бурлакова из вневедомственной охраны. Он явно старался делать вид, что все идет обычным своим путем, как и на всех остальных местах происшествий.

– Здание обыскали?

Полковник Елистратов внизу на первом этаже выслушивал доклад старшего оперативной группы.

– Да, служебный вход, раздевалка для персонала, подвал – сейчас это дополнительный этаж скорее, а не подвал. Вот там вход за отделом часов: приемный пункт химчистки, ларек по продаже батареек и товаров для фотографирования, остальное – складские помещения. Там все заперто, как и положено по инструкции и договору. Служебный вход был открыт, но, по словам уборщицы, это она открывала вместе с их сотрудником Алексеем Хохловым. Он приходит раньше, и это именно он каждый раз звонит на пульт и снимает здание с охраны перед открытием универмага.

– Что еще?

– Есть еще один подвал – это уже внизу под химчисткой, подвальный этаж. Наши сейчас там работают, осматривают.

– Хорошо. Как-то ведь он покинул здание. Ищите все возможные пути отхода.

Щелк! Катя глянула в сумку. Вот черт, место в памяти диктофона закончилось. Тут все в самом разгаре, а у нее такой прокол... Прилюдно кассету не поменяешь, Елистратов тут сейчас царь и бог, хорошо еще ее здесь терпят пока, благо она увязалась за полковником Гущиным, которого Елистратов сам же и вызвал.

Зачем его вызвали сюда? Только лишь потому, что Ксения Зайцева – фигурант по делу, находящемуся в производстве в областном Главке? С формальной точки зрения все этим и объясняется, а если не с формальной...

В отделе часов, облокотившись о стойку, следователь прокуратуры допрашивал на протокол молодую смуглую женщину азиатской внешности, одетую в серый комбинезон. Из кармана комбинезона у нее торчали резиновые перчатки. По виду – явно уборщица.

– Это ведь вы первая обнаружили тело, Гюльнар?

Катя подошла ближе – тут пропустить ничего нельзя, важный свидетель. Но следователь прокуратуры – молодой – так строго глянул на нее, мол, чего тебе здесь надо? Тут допрос. А ты кто вообще такая?

И Катя вынуждена была ретироваться. И сразу же нашла, к кому пристроиться в качестве соглядатая: в парфюмерном отделе сыщики МУРа допрашивали еще одного свидетеля – очень красивую девушку с короткой стрижкой в джинсах и белой футболке.

– Да я только что на работу пришла... что случилось? Столько милиции, и у служебного входа милиция, и в нашей раздевалке... Мне даже переодеться не позволили. Алеша, что тут такое?

Блондин крепкого сложения, широкоплечий. Он появился и как тень, как страж встал за спиной девушки.

– Человека здесь убили, Вероника... Ничего не бойся, просто отвечай на их вопросы спокойно.

Голос у него глуховатый, тревожный.

– Хохлов, – к блондину обратился один из оперативников, – мы и с вами еще не закончили. Подождите вон там. Ваше присутствие тут необязательно.

– Понял, я просто хотел вам помочь. Вероника, все в порядке.

И его отшили тоже. Катя смотрела на этого самого Хохлова почти с сочувствием. Это про него полковник Елистратов упоминал: сотрудник универмага, который приходит раньше всех, вместе с уборщицей, и снимает здание с пульта.

– Кто он вам? – без обиняков спросил опер из МУРа красивую Веронику, когда Хохлов их покинул.

– Мы вместе здесь работаем.

– Ухажер ваш?

– Жених, – девушка, кажется, обиделась.

– Тогда понятно. Извините. Вы продавщица этого отдела, парфюмерного?

– Да.

– Ваша фамилия?

– Петрова.

– Вероника Петрова... Давно работаете в универмаге?

– Полгода.

– И как работа – устраивает?

– Ничего, сейчас выбирать особенно не приходится, тут платят.

– У вас полный рабочий день?

– Полный с девяти, мы обычно приходим к половине девятого, до половины девятого вечера. Универмаг закрывается для покупателей в восемь, но мы еще остаемся на полчаса, на час, это из-за выручки.

– Понятно. И так каждый день?

– Нет, обычно трое суток, потом выходной. Но сейчас моя напарница в отпуске, лето же... В Турцию уехала. Я ее подменяю, а когда у меня будет отпуск, она подменит меня.

– Вчера вы пришли на работу как обычно?

– Да, к половине девятого.

«Интересно, – подумала Катя, – а отчего же она, эта Вероника Петрова, продавщица парфюмерного отдела, сегодня опоздала? Ведь она же опоздала...»

Но опер этот вопрос пока задавать не стал.

– И все шло как обычно?

– Ну да, нормально.

– Много было покупателей?

– Да нет, не очень. Если честно, многие заходят к нам в универмаг только вот сюда, в парфюмерный отдел. Ну в смысле реальной покупки. А на остальное только глазуют, некоторые выше вообще не поднимаются.

– А вот эта клиентка... Сережа, ты с камерой? Поди сюда на секунду, – опер окликнул эксперта-криминалиста, закончившего снимать там, на втором этаже, постель и труп. – Я вас туда поднаться не прошу, Вероника... нет необходимости. Но на снимки взгляните. Вы ее узнаете?

– Ой, мамочки... как ее убили? Когда?! А что у нее с лицом?

Свидетельница явно запаниковала.

– Так вы ее узнаете. Вы ее запомнили?

– Блондинка такая... вся из себя... вот ее пальто. Она была без него, когда вошла, держала его в руке, что-то вроде летнего кардигана. И еще на ней туфли были «Кристиан Лабутэн»... Я, помню, подумала, как она на таких каблуках... Как ее убили? Когда?!

– Мы с этим разбираемся. Так когда она пришла? Когда вы ее увидели?

– Почти перед самым закрытием. Времени оставалось минут двадцать. И практически пустой был отдел, я расставляла кремы вон там на полках, когда она окликнула меня, подзвала – причем таким тоном недовольным.

– И что дальше?

– Ничего, она интересовалась новинкой «Диор». – И Вероника пояснила: – Это новая серия кремов от морщин, Шарон Стоун еще рекламирует. И потом она... ну, клиентка попросила сравнить два аромата духов. Новый от «Кензо» и от «Баленсиага». Первый у нас есть в продаже, я дала ей тестер, а второго нет. И она так разозлилась, словно это я виновата. Ну и все. Она ничего не купила.

– И что было потом?

– Ничего. Она ушла из моего отдела.

– Покинула универмаг?

– Я не знаю... нет, кажется, она пошла к лестнице. Да, точно, она поднялась на второй этаж.

– И больше вы ее не видели?

– Нет.

– А другие посетителя в это время были в торговом зале?

– Конечно, не очень много, как обычно перед закрытием.

– Может, что-то подозрительное заметили? Кто-то привлек ваше внимание чем-то?

– Нет. Я находилась здесь, в отделе. Я не могу следить за другими отделами, когда нахожусь на рабочем месте. Мне, во-первых, некогда, а во-вторых, все равно ничего не видно.

– Ясно... А на кого вы, как продавщица, чаще внимание обращаете... ну в смысле покупателей?

– Я не понимаю.

– Стоит время на этого типа тратить или нет – все равно ничего не купит?

– А, это... не знаю, это как-то видно сразу. Я когда только работать начала, путалась. У нас тут правило – каждого, кто заходит в отдел, мы обязаны спросить – могу ли я чем-то помочь. Но порой спрашивать бесполезно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.